

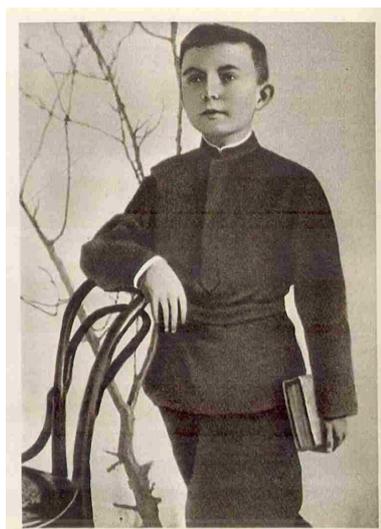

Виталий Семёнович

Макаренко

(1895-1983)

**МОЙ БРАТ
АНТОН СЕМЁНОВИЧ**
[ВОСПОМИНАНИЯ]

Антон Макаренко в 1901 году

Данная публикация (по журналу «Советская педагогика», 1991, № 6, 7) представляет собой лишь часть изданной марбургской (Германия) лабораторией Макаренко-Реферат (руководитель Гётц Хиллиг) книги воспоминаний и интервью Виталия Семёновича Макаренко о своём брате Антоне Семёновиче Макаренко.

Copyright: Makarenko_Referat der Univ. Marburg. Götz Hillig, Ludwig_Juppe Weg 5 1/2, Marburg/Lahn, Deutschland.

От редактора.

Настоящая книга содержит воспоминания брата А.С. Макаренко – Виталия Семёновича о проведённых им совместно со старшим братом детских и юношеских годах.

В 1970 г. сотрудники Лаборатории А. С. Макаренко Марбургского университета разыскали Виталия Семёновича Макаренко во Франции, где он жил с 1925 г., и убедили его написать предложенные здесь воспоминания. В последующие годы между сотрудниками лаборатории и В.С. Макаренко установилась регулярная переписка, в ходе которой ему, как живому свидетелю тех лет, был предложен ряд вопросов, оставшихся не выясненными для макаренковедения, и он, в свою очередь, был ознакомлен с новыми источниками, ставшими известными к этому времени (архивные материалы, воспоминания). Представленные в данной книге выдержки из этой корреспонденции, вопросы, уточнения, поправки, включая и отдельные повторения, позволяют читателю принять участие в этом исследовательском диалоге, который длился 13 лет. В.С. Макаренко не дожидаясь выхода в свет этой книги. Он умер 22.7.1983 г., в возрасте 88 лет, в доме для престарелых в городе Йер, недалеко от Тулона.

Виталий Семёнович Макаренко род. 20.4 (2.05.) 1895 г., был сначала учеником своего брата, а потом стал его сотрудником, когда они оба некоторое время (1917 – 1919) преподавали в Крюковском железнодорожном высшем начальном училище. Как выпускник военного училища и бывший офицер царской армии, В. С. Макаренко ввёл в этом училище военизированные элементы в преподавании физкультуры и во внешкольные занятия; тем самым он создал существенные предпосылки для частичной военизации, как это практиковалось позднее в колонии им. М.Горького. Тот факт, что В.С. Макаренко был офицером в Мировую войну (1915 – 1917), вынудил его летом 1919 г. присоединиться к белой армии и покинуть в 1920 г. родину.

Очевидно, что именно по этой причине в советском макаренковедении полностью отсутствуют упоминания о В.С. Макаренко. Высказывания А.С. Макаренко авто-

биографического характера, и в которых он упоминает о своём брате, до сих пор не известны широкой общественности, и даже содержащиеся в публичных выступлениях А.С. такие, например, сведения, что он в своей семье воспитывает дочь брата, при опубликовании стенограмм опускались. Не удивительно, что в советских публикациях также не был принят во внимание немецкий вариант свидетельства Виталия Семёновича (воспоминания, письма), включённый в появившийся в 1973 г. сборник «Макаренко – Materialien 3. Quellen zur Biographie des jungen Makarenko (1888 – 1920)». (Материалы о Макаренко. Т. 3. Источники к биографии молодого Макаренко (1888 – 1920). Та же участь постигла и вышедшее в 1977 г. итальянское издание воспоминаний В.С. Макаренко. Косвенно о существовании этих материалов говорится в статье В.В.Кумарина «Фальсификаторы. Как в Марбурге создают «новый образ» А.С. Макаренко» (Учительская газета, 27.9.1973). В.В. Кумарин, умалчивая, что автором этих воспоминаний является всё-таки брат А.С. Макаренко, говорит, что это «информация, полученная от одного престарелого белоэмигранта, который не скупится на антисоветские измышления». Однако это не помешало В.В. Кумарину в своей книге «Антон Семёнович Макаренко. Жизнь и педагогическая деятельность», изданной в Москве сначала на английском, испанском и французском (1976), а позднее (1979) и на бенгальском языке, неоднократно включать целыми страницами в свой авторский текст отрывки из воспоминаний В.С. Макаренко – без всяких указаний на источники.

(Справедливости ради нельзя не сказать, что В.В. Кумарин отнюдь не одинок в своём стремлении присвоить результаты чужих исследований. Так и Б.В.Волков, заведующий отделом науки «Учительской газеты», в своей статье «Первые всходы», опубликованной 13.3.1984 г. в этой газете, заимствует отдельные имена и факты, содержащиеся в первых главах воспоминаний В.С. Макаренко. Лаборатория А.С. Макаренко переслал один экземпляр оригинала этих глав (на русском языке) в 1973 г. редакции «Учительской газеты» для опубликования. Однако Б.В. Волков, в отличие от В.В. Кумарина, не сопровождает свою статью нападками на В.С. Макаренко и по крайней мере упоминает о «младшем брате Виталии» и о «нежной привязанности Тоси» к нему.)

Воспоминания и письма В.С. Макаренко – это свидетельство из самого близкого семейного окружения А.С. Макаренко, это материалы, которыми исследователи раньше не располагали. Ранняя эмиграция В.С. Макаренко способствовала, конечно, особой живости его воспоминаний о совместно проведённых с Антоном Семёновичем годах детства и юности. Но нельзя не учесть также, что перед нами высказывания человека, оставшегося в неизвестности, в то время как имя его брата стало известно всему миру. Это объясняет встречающуюся временами некоторую резкость отдельных оценок. Однако, несмотря на это, воспоминания В.С. Макаренко представляют собой ценный и обильный источник для изучения жизни и деятельности молодого А.С. Макаренко.

В заключение нельзя не отметить живой, окрашенный юмором и иронией стиль изложения Виталия Семёновича Макаренко. Особенного внимания заслуживают короткие портретные зарисовки лиц из ближайшего окружения А.С. Макаренко. Эти портреты-характеристики Виталия Семёновича напоминают об отмеченном М. Горьким особом даре А.С. Макаренко характеризовать каждого колониста, как бы делая «моментальный фотографический снимок с его характера».

При воспроизведении иллюстраций, которые сопровождают эту публикацию, речь идёт о двух фотопортретах А.С. и В.С. Макаренко, а также о трёх единственно до сих пор известных снимках, изображающих обоих братьев вместе: из них две фотографии представлены Центральным государственным архивом литературы и искусства

СССР (ЦГАЛИ). Кроме того, в публикации воспроизведена одна страница из авторской рукописи В.С. Макаренко, обнаруженной в его литературном наследии; также приводится построенное на основе высказываний В.С. Макаренко генеалогическое дерево семьи Макаренко и три чертежа, составленные В.С. Макаренко по памяти. Особенно интересен детальный план г. Крюкова, который В.С. Макаренко начертил в течение нескольких часов во время своего вторичного пребывания в Марбурге (сентябрь 1972 г.). На плане отмечены все достопримечательные места, а также квартиры главных действующих в его воспоминаниях лиц. Как стало недавно известно, сотрудникам Музея А.С. Макаренко в Кременчуге удалось на основе этого плана установить место нахождения могилы умершего в 1916 г. С.Г. Макаренко – отца братьев Макаренко. В эту могилу перенесены теперь останки их матери (умерла в 1931 г. в Харькове).

[Сноска от редакции «Советской педагогики». Из публикуемого нами журнального варианта воспоминаний В.С. Макаренко указанные иллюстративные материалы по техническим причинам пришлось, к сожалению, исключить. Ред.]

Однако я не мог оставить без внимания и свидетельство Виталия Семёновича Макаренко, написавшего воспоминания о брате. При этом я не скрываю своего критического отношения к данным мемуарам.

Все эти высказывания свидетельствуют об обуревавших его противоречивых чувствах к умершему брату. Преобладает чувство зависти к славе брата и ожесточение навсегда покинувшего родину эмигранта, усиливаемое политической ненавистью к произошедшим так революционным изменениям.

Автор воспоминаний компенсирует это своё озлобление различными обвинениями в адрес брата, а также выпячивает его недостатки. Но с этим соседствуют проявления горячей любви к брату и хорошие воспоминания о вместе проведённых в юности годах.

В некоторых случаях воспоминания Виталия являются уникальным и незаменимым свидетельством, а его субъективные настроения легко распознаваемы и устранимы.

Примечание. Непосредственно перед завершением подготовки этой книги к печати нам стало известно, что А.А. Фролов, «главный редактор» новейшего советского издания А.С. Макаренко, также опирается на воспоминания В.С. Макаренко, но при этом источника не указывает. В его статье «Овладение А.С. Макаренко марксистско-ленинским учением как мировоззрением и методологией советской педагогики» (включённой в вышедший в сентябре 1985 г. сборник Львовского университета «А.С. Макаренко», кн. 2) говорится: «Большим авторитетом в юношеские годы был для Антона Семёновича соученик Калов, ставший на путь революционной борьбы. Он пробудил интерес к социально-политическим вопросам, революционной литературе». О том, что этот соученик (правильно – Цалов) состоял в партии эсеров, А.А. Фролов благоразумно умалчивает.

Гётц Хиллиг

Марбург, сентябрь, 1985 г.

*Виталий Семёнович
Макаренко
(1895-1983)*

Т.М. и С.Г. Макаренко

**МОЙ БРАТ
АНТОН СЕМЁНОВИЧ**
[ВОСПОМИНАНИЯ]

БЕЛОПОЛЬЕ

*Татьяна Михайловна
Макаренко*

Все биографии Ант. С. начинают историю нашей семьи с Белополья. Но прежде чем попасть в Б., отец несколько лет проработал в Крюкове, где уже существовали какие-то небольшие мастерские для починки вагонов. Здесь отец познакомился мамой и женился в 1875 году.

*Семён Григорьевич
Макаренко*

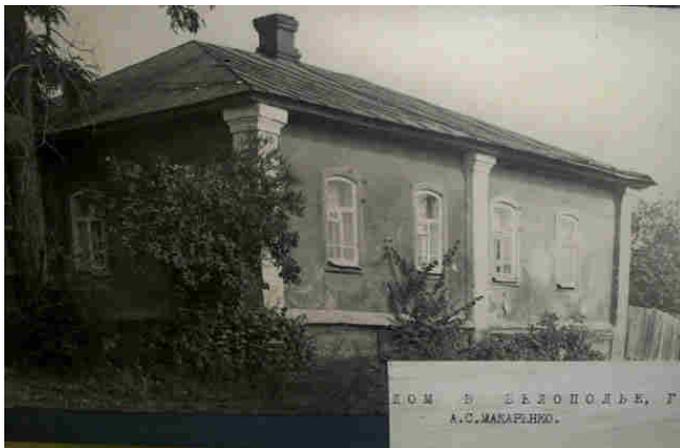
Мама была коренной крюковчанкой и ещё в моё время существовал на Поселянской улице её родительский дом, довольно большой и солидный, с большим двором и садом. (Наверное, существует и теперь, т.к. от последней войны много пострадал Кременчуг, Крюков же остался почти нетронутым – об этом мне писала моя племянница Тася, которая живёт при нашем доме, теперь музей А.С. Макаренко.)

Я думаю, что первым ребёнком в нашей семье была Серафима, умершая в младенческом возрасте. Во всяком случае сестра Саша (Александра), родившаяся в 1881 году, появилась на свет ещё в Крюкове. Следовательно, переезд семьи в Б. надо расположить приблизительно в 1881-1885 гг., где родились: Антон – в 1888 г., Наталия – в 1891 и я, последний, – в 1895.

По сравнению с Крюковым, Белополье, расположенное в 200-220 км. на СЗ от Харькова, в 12 км. от границы с Великокороссией, было, конечно, захолустным, или, как называла его мама, – «дырой».

В Крюкове было 10 000 жителей, находился он на правом берегу широкого Днепра, напротив Кременчуга, с которым его соединял большой

мост (1 километр). Кременчуг же был большим торговым центром (70 000), очень оживлённым, благоустроенным, с множеством хороших магазинов, театров, кинематографов, и даже был электрический трамвай.

В Б. мы поселились не в самом городе, а в так называемом «посёлке», который постепенно образовался вокруг железнодорожной станции и населённом главным образом ж.д. служащими. Здесь находились мастерские, где работал отец, и здесь же находилось 2-классное ж.д. училище, где учился А.С. Самый же город

находился в 2,5 – 3 км. от посёлка.

Вот в этом посёлке, в небольшой квартире, которую семья снимала у какого-то гражданина Мухи, и появился в 1888 г., несколько неожиданно, будущий педагог А.С.М.

Я пишу – неожиданно – потому что он появился на свет божий приблизительно на три недели раньше срока. (Об этом, кроме родных, никто не знал, даже сестра Саша, а я это узнал от родных, когда мне было уже 17-18 лет, при этом взяли с меня слово никогда и никому об этом не сообщать. Конечно, я это слово сдержал, в частности А. никогда об этом не узнал. Родные были правы: А. и без этого был человеком болезненным, и не следовало создавать у него ещё комплекса неполноценности.)

Произошло это так. Накануне, 29 февраля, была тёплая солнечная погода, была оттепель, но ночью ударил мороз и пошёл снег, образовалась гололедица. Рано утром 1 марта (ст. ст.) мама пошла к колодцу за водой, поскользнулась и упала. К 10 ч. у мамы появились страшные боли, и к 12 ч. появился на свет А.

Мама рассказывала об этом: «Когда я увидела А., я заливалась слезами – такой он был маленький, весь чёрный и сморщенный, похожий не то на старика, не то на обезьяну. Отец меня утешал, но у него у самого на глазах стояли слёзы».

Я пропускаю подробности ухода за А. в первые недели после рождения – беспрерывные тёплые ванны, согретые пелёнки, растирания и пр.

Жизнь в посёлке была очень трудной, главным образом из-за отсутствия почти всякой торговли. Было 1-2 мелочных лавочки, но не было базара. За всем необходимым надо было ездить в город. Раза 3-4 в неделю мама ездила в город за продуктами (собирались по 3-4 женщины и нанимали летом «линейку», зимой – огромные сани).

Будущий педагог обнаружился очень быстро. Он начал «болтать» (говорить) очень рано, но ходить научился очень поздно, после 18 месяцев

(и то, когда приятели отца в столярной мастерской сделали специальную коляску «ходульки» на рамках).

С первых же недель обнаружилось, что А. – болезненный, хрупкий и, главное, золотушный ребёнок. Даже гораздо позже, в Крюкове, всякий раз, когда мама вспоминала, сколько усилий, бессонных ночей и утомительно длинных дней пришлось ей пережить с болезнями А., – она невольно плакала.

Золотуха – теперь об этой болезни как будто не приходится и слышать, но в то время она причиняла почти бесконечные страдания. Это были бесконечные ангины, флюсы, на глазах огромные, с большую фасоль, ячмени, на шее карбункулы, уши болели и выделяли нечистую жидкость. В течение долгих лет он страдал неизлечимым хроническим насморком, и, когда он был маленьким, он каждые 5 минут подходил к маме: «Мама, вытри носик». Эта операция вытирания носа так врезалась в память мамы, что потом она всегда повторяла (много позже): «Мама, вытри носик».

В играх той банды ребят, к которой принадлежал и я (от 4 до 10 лет), он никогда участия не принимал. Если для нас жизнь раскрывалась как чудесное видение, полное всяких волшебных радостей, ощущения силы, здоровья, ожидания завтрашнего дня и осуществления наших, самых невероятных, предприятий, то для А. его младенческие и детские годы представляли почти непрерывную цепь физических страданий. Всё это не было опасно для жизни, но до ужаса мучительно. Не успел прорвать флюс, как на глазу (иногда сразу на двух) выскакивал ячмень, проходил ячмень – начинался карбункул... и т.д. (Я вижу А. всё время с перекошенной от флюса физиономией, с повязкой на щеке или на шее, с ушами, затянутыми ватой, сидящим над кастрюлей горячей воды, которую он ватой прикладывал к больным местам.)

Я был слишком мал и не могу сказать, какие медицинские силы были в посёлке, но А. лечили больше т. н. «домашними средствами» – из лекарств же применяли неизменную панацею тех времён рыбий жир вовнутрь и йодоформ снаружи, и у нас в квартире первые годы в Крюкове постоянно, в особенности зимой, стоял тяжёлый запах йодоформа, рыбьего жира, какой-то специальной «глазной» помады и пр. специй.

Много горя также причинял А. хронический насморк. Следы его остались и позже: нос у А. всегда был слегка распухший и красноватый, а в сырую и холодную погоду делался густо пунцовым, что тоже его печалило ужасно.

Болезнь А. немного утихла к 7-8 годам, но не исчезла окончательно. Даже в зрелые годы, уже в Крюкове, у него периодически появлялись то

флюс, то ячмень, а чтобы скрыть шрамы на шее от карбункулов, он всегда носил или очень высокие воротники, или русские рубашки (летом, после 1917 г.).

Во всём этом был какой-то заколдованный круг: т.к. А. легко простуживался от малейшего сквозняка или холодного ветра, то его постоянно кутали в тёплую одежду, всякие шарфы и пр. – организм не закаливался, но делался всё более слабым и не способным на сопротивление, и А. простуживался даже, когда при нём открывали на минутку оконную форточку.

Конечно, труднее всего приходилось маме. Я преклоняюсь перед памятью этой святой женщины. Ведь всё лежало на ней, и начиная с 1893 года, когда Наташа упала с постели и осталась парализованной на всю жизнь (отнялись ноги), надо было ухаживать и за этой несчастной девочкой. Правда, к тому времени, когда я начинаю себя помнить, сестра Саша была 16-17 летней девушкой и, конечно, могла помогать маме.

Так или иначе, но я думаю, что присутствие в нашем доме этого несчастного ребёнка создавало атмосферу грусти и, б. м., скрытого отчаяния. Когда она умерла в 1899 г., то это было освобождением и для неё, и для семьи. На её могиле отец поставил большой, солидный чугунный крест с распятием, которое он сам вызолотил. Кто знает, б. м., он ещё стоит там?

Как я уже указал выше, во всех наших детских играх А. никогда участия не принимал, вообще, я как-то мало вижу его в своих детских воспоминаниях.

Правда, зимой и летом я был на дворе, где нас было человек 10 (сколько игр и сколько приключений). В это время мы уже жили не у Мухи, а у Скальковского (кажется, он был дорожным мастером). Это было целое царство. Сразу за обширным двором, поросшим мелкой травкой, в одну сторону начинались, насколько глаз хватает, хлебные поля, а в другую – дремучий дубовый лес, где мы собирали жёлуди и грибы.

У Скальковского мы прожили очень недолго, б. м. всего несколько месяцев, и перебрались на последнюю нашу квартиру – к Авраменко. Здесь мы прожили довольно долго, вплоть до нашего отъезда в Крюков. Но здесь тоже А. я почти никогда не видел во дворе. Здесь жить было интересно. Этот Авраменко был зажиточный, у него был большой сад, были лошади и коровы и много всяких птиц на птичьем дворе, в доме и в клетках щеглы, канарейки, чижи, были голуби. Кроме того, была коза, был ручной ёжик, не говоря уже про собак и кошек. Для ребёнка здесь был целый Мир.

Я подружился больше всего с кобылой Сивкой. Ей я таскал потихоньку корки чёрного хлеба с солью (лошади обожают солёное), а конюху Трофиму – старые газеты на сигарки. Сивка благодарила меня тем, что

нежно щекотала мне ухо своими мягкими губами, а Трофим брал меня с собой, когда ездил куда-нибудь за соломой, сеном и пр.

Какое чудесное прошлое! Но Антона не было с нами.

Ясно вижу я А. только в наших занятиях грамотой. Кухня. На столе зажжённая керосиновая лампа, кроме А. за столом его друг – сын хозяина Коля Авраменко. Перед ним раскрытый букварь, вернее – азбука. В листе белой бумаги прорезана дырочка, в которую можно видеть только одну букву. Накрывали азбуку листом, и я должен назвать ту или другую букву. Мне было 4 года. Я скоро научился читать, но писать ещё не мог. Я читал всё, что попадалось мне на глаза, даже заборную литературу, и на этой почве у меня случались неприятности, но это не относится к А.

Я рос избалованным и чересчур шаловливым ребёнком. Я воевал с Сашей и причинял ей много всяких неприятностей. Но это был человек бесконечно добрый и незлобивый, и она мне всё прощала. Но кому я отравлял существование, так это несчастной Наташе. В своей несознательной жестокости ребёнка я причинял ей много всяких мелких неприятностей. Я уже не помню всё, что я с нею проделывал, но, Боже, сколько раз я заставлял её плакать.

Но однажды настал день возмездия. Приманив меня золотым шоколадным рублём, она со слезами наслаждения вцепилась в мои уши и изо всех сил начала их драть, как тряпки. В тот день я многое понял и многое в своих понятиях изменил. Во всяком случае я понял, что в жизни, как в шоколадном рубле, на который меня поймали, имеется две стороны: плохая и хорошая.

Я пишу это для того, что дать почувствовать, хоть немного, ту атмосферу, в которой протекала жизнь А. Наверное, это был очень спокойный, послушный и тихий мальчик.

Жизнь в посёлке шла день за днём, без больших событий. Иногда в училище устраивались чтения с проекционными картинками, иногда родные по вечерам уходили в жел.-дор. клуб (очень редко), лето сменялось зимой, были будни, глухие провинциальные будни, не было ни кинематографа, ни театра, никаких общественных праздников. Жили почти так же, как жили в 15 или 16 веке, – по церковным праздникам: от Рождества до масляной, потом до Пасхи, потом до Троицы, потом опять до Рождества. На Пасху всей семьёй ездили в город к пасхальной заутрене. В церкви отец держал меня на руках, и я был поражён окружающим великолепием, блестящим горящих свечей, золотом иконостаса и одежды духовенства, торжественным пением и ароматом ладана. Вижу маму с золотой брошью, ещё свежую и красивую, вижу Сашу, напудренную, с блестящими глазами,

помню прикосновение отцовской бороды, пахнувшей табаком и одеколоном, но не вижу А.

ПОСАД КРЮКОВ НА ДНЕПРЕ

В 1898-1899 гг. две железные дороги, до того самостоятельные, а именно Харьковско-Николаевская ж.д. (Х.-Н. ж.д.) и Курско-Харьковско-Севастопольская ж.д. (К.-Х.-С. ж.д.), были соединены в одну большую сеть (до 2500 км), которая получила название «Южные железнодорожные дороги» (Ю.Ж.Д.). Через несколько лет эта дорога стала одной из самых богатых и благоустроенных дорог империи.

В порядке расширения деятельности дороги и были построены в Крюкове огромные ультрамодерные ремонтные мастерские (8 корпусов, электростанция, водонапорная башня, 15 подъездных путей), куда и был, вместе с другими рабочими, снова переведён мой отец (в декабре 1900 г.).

Как Белополье был «заштатным» городом, так и Крюков не был даже городом, а был только «посадам» г. Кременчуга и в официальных документах назывался Посад Крюков на Днестре. В административном отношении Крюков всецело зависел от Кременчуга и был только одним из его полицейских участков. Отделённый от Кременчуга Днестром, Крюков, к сожалению, с незапамятных времён третировался как «бедный родственник». Не имея собственного муниципалитета, Крюков обречён был на вечное прозябание.

Когда мы переехали, в Крюкове было 10 000 жителей, но не было ни больницы, ни диспансера, ни одного врача, ни акушерки, не было проточной воды, канализации и даже не было никакого освещения (если не считать двух керосиновых фонарей на главной улице). Только вокзал, жел.-дор. пути и вдали мастерские освещались электричеством.

Если бы надо было охарактеризовать население Крюкова одним словом, то это слово было бы: мещанство. На 10 000 населения не было ни только ни одного книжного магазина, но не было ни одного газетного киоска. Даже на вокзале не было.

Население Крюкова можно было разбить на три группы: 1) мещане (из них половина старобрядцы), 2) евреи, 3) железнодорожники.

Евреи занимались торговлей. Также все ремесленники были евреи. Но чем жили мещане – для меня и сегодня является загадкой. И жили совсем не бедно, во всяком случае гораздо лучше, чем ужасная еврейская беднота, где в каждой семье было по 8-10 душ детей.

Железнодорожники, по сравнению с мещанами и евреями, представляли зажиточный класс. Жили они на южной окраине Крюкова, поближе к мастерским, и многие из них уже успели приобрести собственные небольшие домики, как немного позже и мой отец. Это было не трудно – деньги были полноценны, платили золотом и серебром, жизнь была дешёвая –

достаточно было сэкономить 800-1000 рублей. Вообще они находились в привилегированном положении. Так, например, у них имелись свой врач, два фельдшера, бесплатная аптека, бесплатная больница, бесплатная библиотека, баня и клуб.

Особый оттенок придавало Крюкову находившееся там Главное интендантство. Склады интендантства занимали целый огромный квартал с часовыми по углам у караульных будок. Было очень много интендантских чиновников, носивших полувоенную форму.

И тем не менее при всех своих недостатках Крюков показался нам чуть ли не столицей. Большой ежедневный базар, много магазинов, три церкви, аптекарский магазин, Херсонская улица, вымощенная камнем, тротуары, но, главное, чудесный, широкий Днепр. Стоило только перейти жел.-дор. мост – и вот уже большой индустриальный культурный центр, Кременчуг.

В этом отношении нам с Антоном повезло. Кременчуг, несмотря на то что он был только уездным городом, был гораздо культурнее и оживлённее губернского города Полтавы. Не говоря уже о том, что в Кременчуге имелся постоянный театр (драматический), театр оперетки, театр миниатюры, позже открылись 4-5 шикарных кинематографа, имелась прекрасная новая аудитория, – Кременчуг постоянно посещался гастролёрами: даже такие артисты, как Шаляпин, Анна Павлова, Орленев, Ян Кубелик, Бронислав Губерман, Баттистини, всегда посещали Кременчуг, иногда приезжала Киевская или Харьковская опера, 2 раза в год приезжал симфонический оркестр Ахшарумова, струнный оркестр Андреева и многие другие.

Я даже помню программу первого симфонического оркестра, на который мы попали с Антоном в 1903 г. А. было 15 лет, а мне только 8. Для меня это было рановато, но А. в таких ярких красках описал преимущества симфонического оркестра перед духовым, что я долго и нудно ревел, но всё же заплакал у папы согласие. Мы почти первыми пришли в театр и, Боже, с каким благоговением и восторгом прослушали «Стеньку Разина» Глазунова, «Пер Гюнта» Грига, 40-ю симфонию Моцарта и 4-ю симфонию Шумана.

Я тогда же дал слово, что стану скрипачом. И действительно, в 1907 г. я купил свою первую скрипку. Кубелика из меня, конечно, не получилось, но я играл достаточно прилично для того, чтобы в первые годы эмиграции, сначала в Константинополе, потом в Париже, зарабатывать на жизнь игрой в ресторанах, кинематографах, на балах и вечеринках.

Кременчуг был очень оживлённым торговым городом. В нём квартировали два пехотных полка и артиллерийская бригада. Было три средних учебных заведения.

В Крюкове мы поселились сначала в доме Лосева. Это был очень старый домик в конце длинного, грязного переулка, с огромным, запущенным садом, полным черёмухи, сирени и шиповника. Этот сад тянулся до самой Екатеринославской улицы. С другой стороны переулка высокий, мрачный, деревянный забор отделял нас от чугунно-литейного завода Лабинского. В доме было всего две комнаты и кухня. А за домом начинался огромный заливной луг, тянувшийся до самого Днепра, весь заросший незабудками и лютиками, где в небольших озерках, оставшихся после весеннего разлива, сновали чёрные головастики и стайки крошечных стройных рыбёшек.

Мы прожили в этом доме недолго. Помню, что весной Днепр доходил почти до нашего дома – он разливался на 10 километров.

Через несколько месяцев мы перебрались к Миронову, где мы жили с 1901 по 1905 год.

У МИРОНОВА

Дом Миронова! Ещё в большей степени, чем дом Скальковского в Белополье, дом Миронова, был настоящая республика в Крюковском государстве, целый мир. Но какой некультурный, тёмный, отсталый, мещанский, до ужаса серый и скучный мир.

Миронов был разбогатевший мужик-подрядчик, скупой, жадный, весь заросший бородой, которая начиналась сразу же под глазами и росла даже в ушах и носу. У него было душ 10 детей от мала до велика. Старшая была Пелагея – Поля. В то время ей было 15-16 лет, но она уже была, как говорится, "дебелая" – полная, пухлая, не урод, но и не красавица, не глупая, но и не умная, едва умевшая читать и писать (как и все дети Миронова, как и он сам). Это и была та самая Поля, на которой Антон хотел жениться в 1905-1906 г.

У Миронова было 7 или 8 квартир, из них самую большую занимали мы (3 комнаты и кухня). Поэтому во дворе была целая толпа детей, тут же бродили куры, утки, гуси, индейки, поросята. Жили примитивно. Улица была просто глубокий песок, не было ни водопровода, ни канализации. Воду привозил из Днепра водовоз – по 1 коп. за ведро. Клозеты были во дворе и летом распространяли зловоние. (В перегородках между клозетами любителями сильных ощущений были просверлены дырки для наблюдений.)

Работали, много ели, много спали, никто ничего не читал, и я никогда ни у кого не видел газеты (у нас газета была каждый день, так как мой отец выписывал газету «Биржевые ведомости» и иллюстрированный журнал «Нива»). От скуки рожали детей, сплетничали, ссорились, мирились... потом начинали снова. По праздникам и воскресным дням много пили и в соседней Костроме дрались на ножах... иногда убивали... Но надо отдать

должное: при такой дикости жили честно – не было ни воровства, ни грабежей. Было много нищих, бродяг, старцев, подозрительных "монахов" с красными носами, гадалок, итальянцев с "Петрушкой", татар с бумазеей, китайцев с чесучей...

Иногда среди бела дня, распространяя зловоние, проезжал самый примитивный ассенизационный обоз, возчиков которого называли «золотарями». В глубоком песке колёса уходили в землю почти по ступицу, и у меня и сейчас сжимается сердце, когда вспоминаю, как возчики били несчастных лошадей – ногами и толстыми поленьями, стараясь ударить по глазам. Я плакал иногда и задавал себе вопрос: почему Бог терпит такой ужас? Я ещё верил в Бога.

А с другой стороны двора, за забором, начинались «кучугуры», описанные Антоном в «Книге для родителей». Чистейший песок насколько хватал глаз, поросший лозой, кустами молочая, бессмертника и целыми коврами некрасивого, но такого ароматного чабреца. Целые табуны кузнециков и сколько, сколько изящных быстрых и грациозных ящериц.

Конечно, было много молодёжи. В особенности летом, по вечерам собиралось человек до 15. Были молодые рабочие, жившие у Миронова, старшие дети Миронова – Поля, Миша, Пантюша, приходили соседи. Пели песни, играли в городки, в мяч, горелки, жмурки и проч. В игры нас, малышей, не принимали, но мы болтались тут же под ногами.

Антон тоже участвовал во всех этих играх, но он был очень неловок, неуклюж, самое главное, страшно близорук.

Однажды во время игры в городки довольно тяжёлая палка вырвалась у него из рук и до крови ударила по голени Мишу Миронова. Тот завыл от боли и сел на землю.

– Чёрт носатый! Четвероглазый, а ничего не видишь (Антон носил уже очки). Не давать ему больше палок, иначе он нас здесь всех поубивает.

Если бы все эти молодые люди были более культурны, может быть, всё было бы иначе. Здесь же случилось так, что постепенно Антон стал мишенью для всяких, не всегда безобидных шуток и издевательств. Почему-то ему дали кличку, которая осталась за ним пока мы не переехали в наш дом: его прозвали «граф Антошка Подметайло». Незаметно привязывали к его ноге полено или старую кастрюлю. Один раз привязали дохлую кошку, цепляли ему на спину всякую дрянь, в особенности когда он уходил в город, собирали букет бессмертников, посыпали мелким перцем и подносили.

– Антон, понюхай, какая роскошь.

А. нюхал, долго потом чихал, вытирал слёзы. Однажды во время игры в горелки А. устроили подножку. Он тяжело упал, раскровянил себе нос и губы и разбил очки. Другой раз в «кучугурах» вырыли глубокую яму (около одного метра), прикрыли лозой и присыпали песком. Потом при-

гласили А. погулять, искусно повели его прямо на яму. Он провалился, свихнул себе ногу и долго потом хромал. Но ведь могло быть хуже: он мог сломать ногу, мог бы разбитыми очками поранить себе глаза.

Когда уходили на Днепр купаться, А. обязательно навязывали в кальсоны «сухарей» (каждая штанина завязывалась туго-натуго узлом и мочилась в воде – развязать такой узел пальцами было невозможно, приходилось пускать в ход зубы, а отсюда и название «сухари»).

Даже для меня, ребёнка, было заметно, что А. очень страдал от всех этих грубых «шуток». Он стал более грустным, иногда оставался один в задумчивости и постепенно совершенно уходил от этих игр и этой компании. Одна Поля становилась на его защиту, возмущалась, называла участников шуток хулиганами и босяками, по-матерински ухаживала за А., когда он был ранен, и, безусловно, позднейшие идиллия и любовь выросли на этой почве.

К этому периоду (1903-1904) надо отнести возникновение большой дружбы с одним из соучеников А. по городскому училищу, некоему Цалову (или Салову). Все биографы А., как сговорившись, упорно обходят этот эпизод молчанием. Между тем он заслуживает серьёзного внимания.

Уйдя от мироновской компании, Антон начал всё чаще и чаще уходить к Цалову, например, по воскресеньям он уходил на целый день. Так как А. учился отлично, то отец ничего не имел против этой дружбы, тем более что отец Цалова тоже был какой-то мелкий жел.-дор. служащий (кажется – смазчик). Всю правду и все подробности этой дружбы я узнал от самого А. гораздо позже – в 1916 г. (в это время я лежал в госпитале в Полтаве после ранения).

Как рассказал мне А., этот Цалов был его единственным настоящим другом (из мужчин). Но он твёрдо решил заняться революционной деятельностью и уговаривал А. последовать его примеру. Но А. отказался.

– Во 1-х, я не верю в оздоравливающую силу кровавых революций – все они развиваются по одной схеме: сначала кровавая баня, затем анархия и хаос и как результат – самая дикая диктатура. Это раз. И во 2-х, я совсем не способен метать бомбы в кареты министров и ещё меньше с красным флагом распевать «Марсельезу» на баррикадах. Просто не способен.

Как рассказывал А., Цалов постоянно снабжал его социал-революционной литературой, которую он приносил под рубашкой и читал тайком от отца, который ненавидел революцию и революционеров, не будучи при этом никаким монархистом.

– Ты знаешь нашего батька. Я думаю, что если бы он узнал об этом, то он просто меня бы выгнал из дому.

По окончании городского училища Цалов работал где-то на железной дороге два года, а в 1906 г. он уехал в Петербург, прислал оттуда родным два письма и затем как в воду канул. Антон изредка навещал его род-

ных, но даже до 1916 г. от него не было никаких вестей. Зная, как он любил своих родных, А. был уверен в его преждевременной гибели.

– А жаль! Из всех людей, которых я встречал на моём жизненном пути, – это единственный настоящий Человек. Человек с большой буквы.

1903 год ознаменовался в нашей семье двумя событиями: в мае сестра Саша вышла замуж, а в августе я поступил в городское начальное училище.

Саша не была красавицей, и, конечно, не могла ожидать замужества «по любви». Ей исполнилось 22 года, надо было выходить замуж. Не знаю, где она познакомилась со своим будущим супругом. Фамилия его была – Загнойко. Работал он помощником машиниста на ст. Знаменка в 85 км. от Крюкова. (Я даже допускаю, что это замужество было делом какой-нибудь «свахи».) Сыграли свадьбу, после церкви праздник затянулся до поздней ночи, было много гостей. В кухне играл неизменный еврейский оркестр, танцевали, было очень шумно и очень тесно, под окнами стояла толпа. Было уже очень поздно, когда какой-то хулиган разбил камнем стекло в окне. Отец схватил револьвер, выбежал на улицу и раза три выстрелил в воздух. Этим инцидент был ликвидирован.

Среди гостей я впервые увидел хорошенькую черноглазую гимназистку – Наташу Найдю. Отец её работал в мастерских, и жили они почти в деревне, в 1 км. от Крюкова. Это была настоящая украинка: хохотунья, красавица, маленькая, но хорошо сложенная девушка лет 16.

Как потом, гораздо позже, я узнал уже непосредственно от Антона – это была его первая «неудачная» любовь. Он начал часто бывать у неё и даже стал вести сентиментальный дневник. Но надежды на счастье были очень коротки: придя однажды к ней он не застал никого в доме, решил пойти в сад и там в беседке натолкнулся на Наташу, но, увы, в недвусмысленных объятиях какого-то офицера. Ему ничего не оставалось как ретироваться к своим «пенатам», что он и сделал. Это не помешало им остаться друзьями до конца. В 1905 г. она была его коллегой в Крюковском ж.д. училище, где и я нашёл её в 1906 г. Надо сказать, что она прославилась в Крюкове своими бесчисленными романами. В одном из последних писем, полученных от А., сообщается кратко о её смерти в 1926 г. От чего – неизвестно.

А дни покатили дальше. В 1904 г. вспыхнула японская война. В нашем захолустье это мало что изменило. Правда, стали иногда появляться газеты и портреты наших неудачных стратегов: Куропаткина, Стесселя, Рененкампа и др.

Но для отца это было страдное время. Мастерские работали усиленно (в две смены по 12 часов). Выпускали санитарные поезда, и отец уставал страшно. Это длилось почти два года. Правда, он зарабатывал по 130-

140 рублей в месяц, вместо нормальных 60. Это позволило ему скопить немного денег и построить наш собственный дом. Я не помню точно, в каком году (скорее всего в 1905) отец купил один из участков, которые продавались у линии железной дороги, недалеко от еврейского кладбища. Всего участок был около 800 кв. метров. Дом, сарай, заборы – всё было построено и очень быстро, в 3-4 летних месяца. Часть земли отец отвёл для сада, и мы посадили в нём вишни и другие фруктовые деревья. Во дворе устроили артезианский колодец (насос), и у нас была своя собственная, всегда холодная, великолепная вода. И здесь впервые отец заметил, как мало Антон интересовался нашим домом: он никогда не был на стройке.

Наконец всё было закончено. Отслужили молебен, справили новоселье, поставили угощение рабочим и зажили – в собственном доме.

Всё «имение»: земля, материалы, рабочие – всё обошлось отцу в 1200 рублей.

СЕМЬЯ

Если бы я захотел создать портретную галерею моих предков, в ней оказалось бы только два портрета – моего отца и моей матери. Дальше этого я уже ничего не знаю – ни о каких дедах и прадедах, бабках, прабабках, прапрабабках и т.д. Предки у нас, конечно, тоже были, но надо полагать, что всё это были маленькие, незаметные люди, не имевшие ни желаний, ни традиции, ни, главное, материальной возможности оставлять в назидание потомству свои портреты.

Отец моего отца, которого звали Григорий, наверное, тоже был мастером: во всех официальных документах, паспортах, метрических выписках и пр. в графе «звание» было везде проставлено: «цеховой города Харькова» (было такое сословие – «цеховые»). Кто была его мать – моя бабушка – я ничего не знаю.

Здесь мне уже нечего добавлять к тому, что известно об отце из всех биографий Антона: круглое сиротство, детство у какой-то тётки, ученик у какого-то каретного мастера – и это почти всё. На все наши расспросы отец отзывался неохотно: «Нечего мне вам рассказывать. Хлебнул я горя немало, и вспоминать об этом мне прямо тяжело. Да и к чему?». Мы не знали также, был ли он единственным в семье, что маловероятно, но, с другой стороны, он никогда не упоминал о своих братьях и сёстрах. Всё это осталось для нас тайной. Это печальное детство наложило на характер отца свою печать – он всегда был немного замкнутым, скорее молчаливым, с небольшим налётом грусти.

Между прочим, я совершенно опровергаю тенденцию некоторых биографов представить отца как безграмотного человека. Это не правда. Отец читал и писал совершенно свободно и даже почти без ошибок. Он постоянно выписывал газеты и журнал «Нива», которые прочитывал. Приложения к этому иллюстрированному журналу все были переплетены и находились в полном порядке. Здесь были полные собрания сочинений А. Чехова, Данилевского, Короленко, Куприна, а из иностранных писателей помню Бьёрнстерне Бьёрсона, С. Лагерлефа, Мопасана, Сервантеса и др.

Немного больше знал я о родителях моей матери. Её отец, Михаил Дергачёв, служил небольшим чиновником в Крюковском интенданстве и имел в Крюкове довольно приличный дом. Мать происходила из дворян, но из обедневшей дворянской семьи. У мамы было две сестры и два брата. Один из братьев, Сергей, пошёл по плохой дороге. Он был старшим из детей (родился в 1845 г.). В 1873 г. он покинул родительский дом и исчез неизвестно куда. Никто из семьи не знал, где он находится. Появился он через 37 лет совершенно неожиданно.

Однажды, летом 1910 г., я вышел за ворота и увидел на скамейке оборванного, грязного старика без шапки, в одной рубашке. Одна нога была ампутирована, и её заменяла самая примитивная деревяшка. Вся грудь и руки были покрыты самой вульгарной татуировкой. Это был дядя Сергей. Как он нас нашёл – я не знаю, наверное, расспрашивал соседей на Поселянской улице.

И мама, и отец были неприятно поражены и не знали, что с ним делать. Поместили его в летней кухне, которая находилась у нас в саду. О себе он ничего не рассказывал, всё повторял: «Где был – там нет». Попросив у мамы немного денег, он уходил рано утром и возвращался к вечеру в нетрезвом виде.

Прожил он у нас дней 10 и, уйдя однажды рано утром, больше к нам не вернулся. Родные его не искали, и больше мы о нём никогда ничего не слыхали.

Кроме Сергея у мамы был ещё один брат, имени которого моя память не сохранила и о существовании которого я узнал только после его смерти (в 1903-1904 г.). Для меня это личность совершенно легендарная.

Этому брату почему-то достались во владение остатки наследственного имения их матери, в одной деревне Харьковской губернии. Когда он умер, мои родители 3-4 раза ездили туда в надежде получить что-то в наследство. Но в конечном итоге они ничего не получили, так как имущество было заложено и перезаложено и на нём, кроме долгов и обязательств, ничего не было. По словам родителей, этот брат был алкоголик, картёжник и развратник, вообще тип в духе Карамазова-отца.

Самая младшая сестра, тётя Дуня (Евдокия), была замужем за простым ж.д. кузнецом, фамилия которого была Гаврилов. Жили они в Знаменке (там же, где работал и наш зять Загнойко), только не в посёлке, а в самой деревне. У них было много детей, из которых одна дочь Анюта, приблизительно моя ровесница, часто жила у нас по нескольку месяцев, помогая маме по хозяйству.

Здесь я должен отметить, что как сама тётя Дуня, так и все дети были тяжело сердечными больными с ярко выраженным пороком сердца. Анюта умерла в 17 лет, тётя Дуня умерла вскоре после Анюты. Я думаю, что болезнь Антона была наследственного характера – со стороны мамы (мама не была сердечно больной, но эта наследственность поразила Антона). Сын тётки Дуни – Пётр был тоже болен. Он служил военным писарем. Это был до ужаса озлобленный и жестокий тип. После революции он занимал какой-то довольно важный пост (комиссара?), но вскоре тоже умер.

Другая сестра мамы – тётя Поля – была совсем особенной женщиной. Это был настоящий мужчина в юбке. Стриженная по-мужски, курившая толстые папиросы самокрутки, в пенсне, совершенно сухая и не женственная, она вышла замуж за машиниста Сапулова (он же Сапуленко) – красавица, силача, но по характеру в полной противоположности своей жене. Насколько она имела, скорее, мужской характер – резкая, смелая, настойчивая, подвергавшая острой критике правого и виноватого, настолько Сапулов был мягкотел, робок, почти застенчив и неизменно подчинявшийся своей супруге. Вскоре после женитьбы он был переведён на службу в Сибирь, кажется, в Верхнеудинск, где тётя Поля подарила ему двух сыновей – Василия и Александра – таких же красавцев и силачей, как и их отец. Я узнал эту семью только в 1911 г., когда по настоянию тётки Поли, которой надоели сибирские морозы, Сапулов снова получил перевод в кременчугское депо и они поселились в Кременчуге. Между прочим, тётя Поля была крестной матерью Антона.

Вся семья Сапулова, в особенности тётя Поля и сын Вася, была настроена революционно и не переставала критиковать существующий строй и царское правительство. Но здесь надо сделать маленькое отступление и, как говорится, раскрыть скобки.

80% населения хотели не столько революции, сколько перемены существующего строя. Прогнившая монархия, засилие поповщины, «чудотворные» иконы и «чудотворные» мощи всяких «святых», безграмотность населения и позор недавно проигранной войны с Японией – всё это всем надоело, все жаждали какого-то обновления, но никто не мечтал о замене монархии, в конце концов довольно либеральной.

О чём мечтала и к чему призывала вся эта революционно настроенная масса и Антон в том числе? Не знаю, какой партии принадлежит эта программа, но вот она в кратких чертах:

1. Демократическая республика с народным представительством в парламенте (прямое и тайное голосование).
2. Национализация крупных промышленных предприятий.
3. Изъятие земельной собственности у помещиков и крупных землевладельцев и распределение всей земли между крестьянами.
4. Всеобщее обязательное обучение.
5. Свобода вероисповедания.
6. Свобода совести.
7. Свобода слова.
8. Свобода печати.
9. Свобода собраний.
10. Свобода забастовок и т. д.

Но в среде железнодорожников, к которой принадлежал отец, даже о такой либеральной революции не говорили и о ней не мечтали. По сравнению с другими предприятиями железнодорожники были в привилегированном положении и зарабатывали прилично. (Балабанович просто зло фантазирует, когда утверждает, что рабочий день был от 12 до 14 часов. Рабочая неделя была приблизительно 56-58 часов. В субботу работы после обеда не было.)

Отец относился к революции прямо враждебно. Он предчувствовал, что она не произойдёт без кровопролития, и говорил: «Они всё разрушат, но ничего не создадут нового».

Не говоря уже о таких биографах, как Балабанович, который нарочно сгущает краски и представляет дореволюционную эпоху в безрадостных тёмных тонах, сам Антон, к сожалению, в своём желании угодить власть предержащим пересаливает и возводит небылицы на дореволюционный строй. Разговоры (в «Книге для родителей»), которые он вкладывает в уста кума нашей семьи Худякова (в действительности Полякова), утверждение А., что он учился на «медные» деньги, или что «реальное не для нас строили», что в той среде, где он вырос, дети могли идти только в «мальчики», – всё это самая дешёвая демагогия.

Что касается реального училища, то вот краткий список моих товарищей в этом училище:

1. Чернышёв В. – сын бригадира кузн. цеха Крюковск. мастерских.
2. Скавинские Никол. и Виктор – сыновья мастера кузн. цеха Крюковск. мастерских.
3. Родионов – сын столяра Крюковск. мастерских.
4. Бубенко Н. – сын ж. д. десятника.
5. Афанасьев М. – сын ж. д. десятника.
6. Загребельный – сын ж. д. кондуктора.
7. Случановский К. – сын ж. д. машиниста.

8. Шкапенко – сын кондуктора.
9. Зимин В. – сын нач. станции Крюков.
10. Бардачевский – сын сапожника (освобождён от платы за обучение).
11. Кикис Альберт и Роберт – сыновья мелочного торговца.
12. Бриллиантов С. – сын смотрителя зданий на ст. Крюков.
13. Горонович Б. – сын конторщика Крюковск. мастерских.
14. Филатов – брат учительницы А.П. Сугак.

Здесь я привёл список только моих товарищей по старшим классам реального училища (6 и 7). Фамилии же малышей – детей железнодорожников я, конечно, не запомнил, как не запомнил и фамилии всех гимназисток – детей железнодорожников из Крюкова. Во всяком случае нас было около 60 человек, учащихся средних школ, которые уезжали каждое утро ученическим поездом в Кременчуг и в 3 часа возвращались в Крюков.

Антон не мог простить отцу, что по приезде в Крюков его отдали не в реальное училище, а в городское. Отцу он не смел об этом заикнуться, но маму он неоднократно упрекал: «Витьку отдали в реальное, а меня «сунули» в городское».

Но не надо забывать, что в 1900 г. у отца на руках были жена и трое детей и он зарабатывал 60 рублей в месяц; в реальное же надо было платить 60 рублей ежегодно. Когда же в 1908 г. я поступил в реальное, отец был уже мастером, получал 100 р. в месяц и Антон и Саша были уже на стороне. Кроме того, это, конечно, не входило в расчёты отца – реальное училище было А. ни к чему. Ему нужна была классическая гимназия и потом университет. (В Кременчуге мужской гимназии не было). Из реального же надо было идти в высшие технические школы, А. же математикой не интересовался, и я не вижу А. в роли инженера-технолога или архитектора.

Семья наша была патриархальной, как и большинство семей в эту эпоху. К родителям мы обращались на Вы, но руки после обеда целовал только я. Попов не любили, но в главной комнате висела в углу икона, и перед ней накануне воскресных и праздничных дней зажигалась лампада. Отец каждое утро и каждый вечер совершал перед иконой короткую молитву. В Белополье он даже был церковным старостой.

Характеры у родителей были разные, но спокойные и у отца, и у матери. Мама была шутница, вся пронизанная украинским юмором, подмечавшая у людей смешные стороны.

Отец был вообще сдержан. Он очень уставал на работе, и в особенности он изменился после 1905 г. Сказалась усталость после напряжённой работы 1904-1905 гг., обострился ревматизм, которым он страдал уже несколько лет, и, конечно, по-моему, конфликт с Антоном, который произошёл в 1907-1908 гг., наложил на него тоже свою печать. Отец стал ещё су-

мрачнее и молчаливее. Этот конфликт не был изжит до конца его жизни в 1916 г.

Разнообразие в наше мирное существование вносили приезды Саши, у которой было уже две девочки – Тася и Лела. Саша скучала в захолустной Знаменке и была рада приехать в Крюков. Обыкновенно она приезжала накануне Рождественских праздников, приезжала на неделю, но проходила неделя, другая, третья, и, наконец, папа вмешивался и говорил: «Знаешь, я рад тебя видеть, но у тебя своя семья, и мне кажется, тебе пора уже уезжать домой».

Для Сашиних детей мы всегда устраивали ёлку, что создавало уют и праздничное настроение. Но у Антона по отношению к Саше и её детям существовало непонятное презрение, почти ненависть. «Всё это – мещанство», – бормотал он. А. и так почти никогда не был дома, но с приездом Саши совершенно исчезал и только изредка приходил ночевать, нашим семейным радостям он был подчёркнуто чужд. Если же случайно он оставался дома, то Тася и Лёля забивалась куда-нибудь в дальний угол и переговаривались шёпотом.

Саша уезжала, но летом снова приезжала, на этот раз уже не на 3 недели, но на два месяца. Мама была очень рада, так как ей одной было очень трудно вести всё хозяйство, а Саша ей помогала. Мы ходили купаться на Днепр, варили в саду варенье и на своём велосипеде я по очереди с Тасей и Лёлей уезжал в окрестности и ездил вдоль полотна железной дороги.

Вечером накрывали стол в саду и оставались за столом до наступления ночи. Антона с нами, конечно, никогда не было.

АНТОН

Наша большая дружба с Антоном началась лишь с тех пор, как я вышел из отроческого возраста и мог ближе подойти к нему, то есть к моим 17-18 годам. Раньше он меня просто не замечал, так как я был на 7 лет моложе его. Когда он начал уже учительствовать – ему было уже 17 лет, а мне только 10. Когда я поступил в 1908 г. в реальное училище, то как-то получалось так, что мы почти никогда не видели друг друга. Когда я возвращался около 4 часов из училища А., уже пообедав, уходил из дому до позднего вечера. Мама оставляла ему в столовой холодный ужин, и мы укладывались спать, а А. приходил только к 11,5-12 часам и обыкновенно, ужиная, читал книгу и засиживался до 1 часу ночи. В 1911 году он переехал в Долинскую и приезжал только на летний отдых, потом он поступил в Полтавский педагогический институт, и мы снова были в разлуке.

Сколько я ни помню А. – я вижу его постоянно с какой-нибудь книгой. Он обладал колоссальной памятью, и его способность ассимиляции

была, прямо, неограниченна. Без преувеличения можно сказать, что в то время он, конечно, в Крюкове был самым образованным человеком на все 10 000 населения. Что он читал? – Я затрудняюсь сейчас вспомнить все научные книги, прочитанные им, так как в то время эти книги были для меня недоступны по содержанию, – тут была и философия, и социология, и астрономия, и естествознание, и художественная критика, но, конечно, больше всего он читал художественные произведения, где он прочёл буквально всё, начиная от Гомера и кончая Гамсуном и Максимом Горьким.

Среди научных книг А. больше всего прочёл книг по русской истории. Запомнились имена Ключевского, Платонова, Костомарова, Милюкова, Грушевского («История Украины»), Шильдера («Александр I», "Николай I"). Всеобщей историей А. не интересовался, кроме истории Рима (он прочитал всех древних римских историков) и истории Французской революции, по которой он прочёл несколько трудов, из них один довольно солидный в 3 томах, перевод с французского («Французская революция») – имя автора я не запомнил.

После истории, по количеству прочитанных А. книг, надо ставить философию. Боясь впасть в ошибку, я не называю имён авторов – скажу только, что он особенно увлекался Ницше и Шопенгауэром. Большое впечатление на него также произвели произведения В. Соловьёва и Э. Ренана и книга Отто Вайнингера «Пол и характер». Появление этой последней книги в то время было настоящим литературным событием.

Из художественной литературы А. читал буквально всё, что появлялось на книжном рынке.

Бесспорными кумирами этой эпохи были Максим Горький и Леонид Андреев, а из иностранных писателей – Кнут Гамсун. Затем следовали Куприн, Вересаев, Чириков, Скиталец, Серафимович, Арцыбашев, Соллогуб, Мережковский, Аверченко, Найдёнов, Сургучёв, Теффи и др. Из поэтов – А. Блок, Брюсов, Бальмонт, Фофанов, Гиппиус, Городецкий и др. Из иностранных авторов, кроме Гамсуна, назову: Г. Ибсен, А. Стриндберг, О. Уайльд, Д. Лондон, Г. Гауптман, Б. Келлерман, Г. д'Аннунцио, А. Франс, М. Метерлинк, Э. Ростан и многие другие.

Антон читал внимательно, поразительно быстро, не пропуская ничего, и спорить с ним о литературе было совершенно бесполезно. Не помню точно в каком году он купил около 20 портретов различных писателей, главным образом русских современников, и украсил ими все стены своей комнаты, где находился его большой письменный стол.

Почти каждые два дня он приносил какую-нибудь новую книгу, новый альманах, новый сборник, которые в то время выпускались на книжный рынок десятками. (Главными изданиями, которые А. никогда не пропускал, были сборники «Знание», «Шиповник», «Альциона»). Книги по

художественной литературе он частью покупал, а остальные получал из библиотеки Южн.ж.д. в Харькове, библиотеки очень большой и которая высылала книги по всей линии (я тоже был абонирован в этой библиотеке). Книги по истории и вообще научные А. брал в Кременчугской городской библиотеке (в Крюкове никакой библиотеки не было). А. выписывал толстый журнал «Русское богатство», московскую газету «Русское слово» и петербургский сатирический журнал «Сатирикон», кроме того, он покупал роскошные иллюстрированные журналы – «Столица и усадьба» и «Мир искусства», издаваемый С. Дягилевым. Но все эти книги после прочтения куда-то уходили, и вся библиотека Антона состояла из 8 томов Ключевского – «Курс русской истории» – и 22 томов «Большой энциклопедии», которую он купил в кредит в 1913 г.

Внутренними делами нашей семьи он совершенно не интересовался, и отец не без горечи говорил иногда: «Семья для него не существует, он приходит сюда, как в гостиницу, – переменить бельё, пообедать и поспать. Всё остальное его не интересует. Аристократ какой-то».

А., действительно, был человеком не понятных для меня парадоксов. Так, он получал в Крюковском ж. д. училище 47 р. 50 к. в месяц, но маме на расходы давал всего 10 р. Это – на всё. Мама жаловалась отцу, что на эти деньги даже прокормить его невозможно. Чтобы как-нибудь улучшить свои ресурсы, мама согласилась давать обеды коллеге А. – Г.В.Орлову, который только за один обед платил 10 руб. в месяц. Когда однажды, мама сказала ему об этом обстоятельстве, то ответ А. был до ужаса циничным, что совершенно не вязалось с его глубокой деликатностью по отношению к другим:

– Я не просил вас родить меня на свет Божий. Вам необходимо нести некоторую ответственность за ваши поступки. Платить больше я не могу.

Главным несчастьем в жизни А., если можно сказать – его трагедией, было то обстоятельство, что он обладал невзрачной внешностью. Небольшого роста, с небольшими серыми глазами, которые казались меньше от привычки всех близоруких людей прищуриваться; большой красноватый нос, который казался ещё больше при маленьких глазах, – всё это повергло А. в уныние.

– Мой нос, как говорится, Бог семерым нёс, а мне одному достался. Предстоит прожить всю жизнь с таким носом – задача не из лёгких.

Это усугублялось ещё тем обстоятельством, что А. был влюбчив, как самый отважный гусар. Это тоже было одним из его парадоксов.

– В кого и почему вы влюбляетесь, – издевался он над влюблёнными, – вы влюбляетесь в представительниц «прекрасного» пола только потому, что они имеют длинные волосы и обильные жировые отложения под кожным покровом.

Но сам он влюблялся каждые 6 месяцев, и не как-нибудь платонически, но обязательно требуя взаимности. Я уже не помню всех, в кого он был влюблён, ведь прошло 60 лет с тех пор, но вот маленький список его увлечений:

Раиса Зеленина (Крюков, 1903).

Наташа Найда (Крюков, 1903).

Поля Миронова (Крюков, 1904).

Катя Сосновская (1910).

Феня Никитченко (Долинская, 1912).

Катя Костецкая (Полтава, 1914).

Таня Коробова (Крюков, 1917).

Юлия Попова (Крюков, 1918).

Что было обидно и больно для А., так это то обстоятельство, что, как только обнаруживалось его новое увлечение, как все его коллеги и приятели стремительно поднимали его на смех и злословили.

– Смотри, Антон снова влюбился, смотри, носатый, куда метит.

Получалось так, что почему-то было само собой понятно, что А. не имеет права быть влюблённым.

Эта влюбчивость чуть не заставила А. сделать глупость. В 1905 г., едва получив место учителя в ж.д. училище, А. заявил отцу, что он собирается жениться. На ком? На Поле Мироновой. Несмотря на то что отец был, естественно, против такого раннего брака, да и Миронов совсем не был расположен выдать свою дочь за А., он продолжал настаивать на своём решении.

– Мы любим друг друга, и я дал ей слово жениться на ней.

Понадобилось несколько месяцев уговоров, в которых кроме отца и Миронова особенно деятельную роль сыграли М.Г.Компанцев и поп Д.И.Григорович, который был законоучителем в ж.д. училище.

Одно время это событие принимало драматический характер, так как Антон угрожал в случае дальнейшего сопротивления застрелиться. (Я не знаю, где бы он достал револьвер. У отца был револьвер, но он был заперт в одном из ящиков комода.)

Постепенно, под влиянием уговоров, А. успокаивался и в конце концов перестал угрожать самоубийством. Этому помог наш переезд в наш собственный дом и вынужденная разлука А. с предметом его вожделений.

Но если в 1905 г. Антон легкомысленно был готов связать себя семейными узами, то уже в 1907-1908 гг. его мысль эволюционировала в сторону мизантропии. Его жизнь складывалась так, что трудно было допустить, что она приносит ему «наслаждения». Впрочем, сколько я его ни помню, он никогда не был то, что называется «жизнерадостным» человеком. Он всегда был сосредоточен, замкнут, серьёзен, порою даже грустен и

молчалив. Это было его нормальное состояние. Во всяком случае к 1907 г. его моральное кредо было следующее.

Бога нет. Верить сказкам о первородном грехе, о царствии Божиим, о воскресении мёртвых и бессмертии душ могут только маленькие дети. Жизнь бессмысленна, абсурдна и до ужаса жестока. Можно любить отдельных лиц, но человечество в целом – только толпа, стадо и заслуживает презрения. Никакая любовь к «ближнему» не оправдывается и абсолютно бесполезна. Родить детей – преступно. Это удел мужиков и мещан, то есть как раз той части населения земного шара, которая по бедности не может обеспечить будущее своих детей. Но если нельзя родить детей, то брак становится совершенно ненужным. Люди могут жить совместно – свободно, не вступая в так называемый «законный» брак, до тех пор пока они любят друг друга. Если любовь проходит, как и всё на этом свете, то люди могут разойтись совершенно свободно, без унизительных хлопот о разводе.

Поп Григорович пытался всё же переубедить А.:

– Вы разочарованы в жизни потому, что утратили веру в Бога, в высокое назначение человека на земле – стремиться к абсолютному совершенству.

– Вы повторяете старые, надоевшие «истины», в которые вы первый же не верите. Вы обязаны говорить так, потому что носите рясу и крест. Стремиться к совершенству – абсурд. Если завтра все люди станут идеальными ангелами и получают бессмертие – жизнь станет от скуки совершенно невыносимой и люди будут умолять Бога о ниспослании смерти.

– Значит, вы отрицаете значение семьи?

– Да, отрицаю. Семья – это пережиток рабовладельческих времён. Это нелепость. Во всяком случае я клянусь и даю слово, что никогда не женюсь и никогда не буду иметь детей.

Кроме того, никто так не портит нравственно детей, как семья, где ни отец, ни мать не имеют никакого понятия о воспитании, что не мешает отцу на каждом шагу кричать о том, что он – «глава семьи». Другой народит 10 душ детей и потом издевается и над ними, и над женой – деньги пропивает, жену бьёт, дети голодают, но он продолжает требовать повиновения и повторяет, что он в семье «начальник».

О каком воспитании можно говорить в подобных случаях, а в нашем отечестве это явление заурядное. К тому же все они ругатели и матерщинники. (За всю совместную жизнь с А. я ни разу не услышал от него неприличного слова).

Конечно, все эти разговоры велись у нас во время отсутствия отца, но мама передавала ему потом их содержание. Отец хмурился.

– Что же это, неужели я вырастил анархиста? Чему он научит своих учеников?

Тучи сгущались на нашем семейном горизонте. У отца были и другие причины быть недовольным Антоном.

АНТОН НАХОДИТ ДРУГА

Страстное желание А. вкусить сладости семейной жизни в конце концов всё же исполнилось, если не совсем, то наполовину: неожиданно, и там, где меньше всего можно было этого ожидать, он нашёл себе друга, вернее – подругу, с которой связал свою жизнь на целых 20 лет.

Среди друзей и знакомых, уговаривавших А. отказаться от мысли о женитьбе, самым красноречивым и убедительным был поп Григорович.

Очень горячо и искренне он убеждал А.:

– Подумайте, Тося, вам только 17 лет, вся жизнь ещё впереди, куда вам спешить, вы встретите ещё много прекрасных девушек и женщин и всегда успеете сделать свой выбор. А что касается самоубийства, то это уже совсем глупо. Я понимаю, что вы переживаете, так как дали слово, но всё постепенно образуется, перемелется – мука будет. Приходите к нам – матушка будет рада вас видеть, я уже говорил ей о вас, она вас успокоит, она женщина и сумеет найти нужные слова, приходите, когда хотите.

Надо полагать, что матушка действительно нашла «нужные» слова. Она действовала с такой убедительностью, что в конце короткого срока А. стал её интимным другом.

Конечно, я ничего об этом не знал, у меня были свои интересы, товарищи, Днепр, лодка, рыбная ловля и пр. Но в Крюкове, где все знали всех, вскоре поползли сплетни и слухи, недвусмысленные анекдоты и насмешки, порою даже недружелюбные, в особенности среди верующих.

Это был настоящий скандал.

Если бы это произошло где-нибудь в большом городе, может быть, это прошло бы менее заметно, но в маленьком Крюкове поп был слишком на виду у всех – представитель духовенства, поставленный во главе «паствы» для того, чтобы следить за её нравственностью, вдруг терпит в своей собственной семье нарушение 7-й заповеди.

В конце концов эти сплетни дошли сначала до слуха мамы, а следовательно, и до слуха отца.

Однажды – это было в воскресенье, отец был не на службе, я готовил уроки – отец сказал А., что хочет поговорить с ним. Они ушли в соседнюю комнату. Сначала я не обратил на это внимания, но когда тон их разговора резко повысился, я невольно прислушался. Отец категорически требовал: или немедленно прекратить эту связь, или, в крайнем случае, добиться раз-

вода попа и жениться на попадье. На это А. отвечал, что это невозможно, так как по закону поп не может получить развода ни по каким причинам (Действительно, такой закон существовал – поп мог жениться только один раз и никогда не мог получить развода).

– Но ты же сам понимаешь, что это бросает пятно на всю нашу семью.

– К сожалению, я ничего изменить не могу.

– В таком случае тебе придётся оставить наш дом. Я не хочу, чтобы люди думали, что я потворствую твоей безнравственности.

Это случилось зимой 1908-1909 гг. А., действительно, взял свой стол и портреты писателей, и переехал в комнату, которую он снял в городе. У кого? У отца своей подруги, тоже попа (в отставке).

(Впрочем, это изгнание продолжалось недолго – всего несколько месяцев, а именно до ближайшей Пасхи. В этот день, когда мы сели за традиционный Пасхальный стол, все трое были грустны, и мама вдруг заплакала. Ничего не расспрашивая, после довольно долгого молчания, отец сказал мне:

– Витя, походи позови Антона, пусть идёт разговляться с нами.

В пустынной и холодной комнате А. я нашёл его спящим. Я разбудил его, он очень обрадовался и вскоре мы были дома.

Но все чувствовали себя неловко, разговор не клеился и вскоре отец ушёл в другую комнату, предварительно разрешив Антону переехать в наш дом).

В конце концов его подруга, Елизавета Фёдоровна, ушла от попа. Решено было, что она тоже станет учительницей. Для этой цели она уехала в Киев, на 2-годичные женские курсы, которые подготовляли педагогов. На летние месяцы и на Рождественские святки А. приезжал в Киев и они жили вместе.

Что сказать об этой связи?

Я не думаю, что она давала А. впечатление полного счастья. А. был слишком большим эстетом и знатоком женской красоты, чтобы не видеть, что его подруга некрасива, неженственна, с грубыми чертами лица, покрытого многочисленными угрями, с мужским характером, к тому же мелочная и чисто по-поповски скупая. Кроме того, она была старше А. лет на 8. Когда я летом иногда ездил к ним в Киев, который я страшно любил, дней на 10, я всегда просил у мамы немного денег – я буквально голодал у них и вынужден был покупать себе для еды что-нибудь в городе.

Во всяком случае, в 1911 г. А. по собственному прошению был переведён в Долинскую (вместе с Орловым). Это было похоже на бегство.

Что меня всегда поражало, так это то, что в её присутствии А., обыкновенно решительный и требовательный, делался послушным, как телё-

нок. Это производило грустное и тяжёлое впечатление, так как он в это время был, действительно, то что называется – тише воды, ниже травы.

В 1910 г. он был не на шутку влюблён в свою коллегу, учительницу Крюковского ж. д. училища Катю Сосновскую, которой, не будучи уверен в успехе предприятия, полусерьёзно, предлагал вступить с ним в брак. Катя Сосновская была остра на язык и на это предложение отвечала довольно откровенно:

– Ну, Тося: куда вам жениться! Мне нужен настоящий мужчина, а вы только так, одно недоразумение.

По окончании женских курсов в Киеве его подруга получила место учительницы в Полтаве, где её коллегами были две сестры – Вера и Катя Костецкие. В Катю Костецкую А. тоже был влюблён, когда был в Полтавском учительском институте.

Окончательно А. разочаровался в своей подруге в 1925-1926 гг., когда он писал мне во Францию: «...у неё полезли наружу атавизмы старой поповской семьи – скупость, жадность и оскорбительная мелочность. Она обзавелась десятком кошек и у нас во всех комнатах стоит удушающий запах, вернее вонь...».

А конфликт с отцом так никогда и не был изжит, до самой смерти отца в 1916 г. Они почти не встречались и почти не разговаривали, а если отец и обращался к сыну, то называл он его уже не «Тося», а «Антон», а в 1911 г. Антон уехал в Долинскую, в 1914 г. – в Полтаву в учительский институт.

УЧИТЕЛЬ

Почти все биографы А., а также все лица, пишущие свои воспоминания о нём, дают волю своей фантазии и обильно украшают деятельность А. до 1917 г., так сказать, внепрограммными занятиями, как то: спектакли, оркестры, игры, экскурсии, древонасаждения и пр.

На самом деле и А. и его коллеги ограничивались только преподавательской деятельностью, то есть, ежедневно 5 программных уроков, и это – всё. Никаких собраний после уроков, никаких читок, спектаклей, вообще – ничего. Не устраивали они с нами никаких игр. Да и не было времени на это, так как на большой перемене учителям в учительскую подавался самовар и они чаёвничали, а после 5-го урока все спешили по домам, кто в Крюково, а кто ученическим поездом в Кременчуг. Только на Рождество устраивалась традиционная «ёлка» с раздачей ученикам сладостей, но такая «ёлка» устраивалась во всех начальных училищах.

О том, как вёл себя А. в Крюковском ж.д. училище, я могу судить, так как в начале января 1906 г. я перевёлся из городского училища в железнодорожное, в 3-е отделение, то есть как раз к А. (Преподавание велось не по предметной системе, а по классной, то есть каждый учитель имел свой класс, в котором преподавал все предметы – кроме Закона Божьего, преподаваемого попом). Таким образом я перешёл к А. в 4-е отделение, затем в 5-е и закончил школу в 1908 г., то есть пробыл у А. как учителя почти 3 года.

Кроме него в училище ещё преподавали: М.Г. Компанцев (заведующий), П.В. Рашев, З.П. Архангельская, Н.П. Найда. Закон Божий преподавал священник – о. Дмитрий Григорович. (В 1909 г. попали в училище К.Ф. Карбоненко, Г.В. Орлов и Е.Г. Сосновская на место ушедших М.Г. Компанцева, П.В. Рашева и З.П. Архангельской).

Что можно сказать об А. этой эпохи?

Это был хороший, добросовестный учитель, но ничем особенным не выделявшийся среди других учителей. Будущий педагог пока что был только учителем и ничем не проявил себя, да это и трудно было сделать, так как дети были «нормальные», каждый школьник имел свою семью и приходил в училище только учиться.

Только один раз у А. был трудный случай – это, когда в 4-м классе у него появился ученик Лобов Тимофей. Это был совершенно испорченный мальчик. Он уже курил и старался научить курить других учеников, приносил в класс порнографические картинки и показывал их и мальчикам, и девочкам, и на каждой перемене затевал дикую драку с первым попавшимся, причём выбирал всегда более слабого и избивал его.

Но это длилось недолго. Однажды, придя в класс и едва поздоровавшись с нами, А. сказал Лобову:

– Лобов, собирай свои книги и уходи домой – придёшь завтра с отцом.

На другой день мы видели, как Лобов пришёл вместе с отцом. Их впустили вместе в учительскую. Какой разговор произошёл там, можно только представить, но только Лобова мы больше не видели.

Нас было у А. 37 учеников, из которых было 6 девочек. Из 6 девочек была одна – Катя Депутатова, которой суждено было сыграть роль в жизни М.Г. Компанцева. Он уже был давно женат и имел дочь – 9-летнюю Люду, которая училась в нашем училище. Не знаю подробностей, знаю только, что в 1909 г. он оставил жену и дочь, и по собственной просьбе был переведён заведующим в ж.д. училище в захолустную ст. Долинскую, куда он уехал вместе с Депутатовой, которой в то время было 14 лет.

В 1907 г. А. в нашем классе применил плохой педагогический эксперимент. Как во всех школах, каждую четверть учебного года мы получали

результаты наших успехов, то есть карточку, на которой были проставлены наши отметки по различным предметам. Их надо было возвратить с подписью отца. А. придумал классифицировать нас по степени успеваемости, то есть он выводил среднее арифметическое для каждого ученика, и затем распределял эти данные по порядку – 1-й ученик, 2-й, 3-й... и так далее до 37, где он писал: «37 и последний».

В 1907 г. этим «последним» учеников оказался Дмитрий Примак, мальчик не столько малоспособный, сколько болезненный (как потом оказалось, у него был туберкулёз). Когда он получил свою четверть, где было проставлено, что он – 37 и последний, он долго плакал и, несмотря на наши утешения, ушёл домой до конца уроков. Не пришёл он на второй день, не пришёл и на третий, а дней через 10 пришёл его отец весь в слезах. Он пришёл прямо к нам в класс во время урока. Едва сдерживая рыдания, он сказал А.:

– Сегодня ночью мой мальчик умер. Я пришёл вам сказать об этом и ещё спросить вас: для какой цели вы проставили в его четверти, что он 37-й и последний? Зачем вы обидели мальчика, которому оставалось 10 дней жизни? Он так горевал, бедный, что он «последний». Это вы, Антон Семёнович, нехорошо поступили, очень нехорошо... Я знаю, он бы всё равно умер, но зачем причинять мальчику ненужные страдания?

А. был бледен как полотно, не помню уже, что он отвечал несчастному отцу – что он мог ответить кроме извинений, – но только с этого дня классификация не фигурировала больше в наших четвертях.

Но однажды А. хотел нарушить рутину и создать нечто необыкновенное, а именно он решил из наших учеников создать церковный хор под его руководством.

Сказано – сделано. Он принёс в училище скрипку, и мы начали устраивать спевки. Нас было человек 30. Где-то он достал нужные ноты, и мы собирались после обеда часам к 4-м. А. очень плохо играл на скрипке, но достаточно хорошо, чтобы дать каждой партии нужный тон. Репетировали мы около месяца и наконец наступил день, когда мы должны были выступить в кладбищенской церкви, которая находилась недалеко от нашего дома. Мы устроились в левом клиросе – на правом к нашему счастью находился постоянный церковный хор из любителей, уже довольно опытный и натасканный.

И здесь случился скандал. Без скрипки, только по камертону, А. просто был не способен дать верный тон. Мы так безбожно врали, что верующие в недоумении раскрывали глаза, оглядываясь на наш хор, а поп из алтаря смотрел настоящим чёртом. Наконец, он прислал церковного сторожа с просьбой прекратить наше выступление. Служба продолжалась с постоянным церковным хором, а мы ушли из церкви с великим позором. Так печально закончилась наша попытка прославиться. Больше о ней не говорили.

Балабанович говорит о том, что А. уезжал во время революционного движения (1905 г.) на съезд в Люботин. Он, наверное, уехал бы не один, но в составе целой делегации от нашей школы и, следовательно, мы бы остались в течение нескольких дней без преподавателей. Между тем, я не помню, чтобы такое нарушение произошло.

Так же не помню забастовки в Крюковских мастерских, в особенности 10000-го митинга. Во всём Крюкове было 10 000 жителей. Я бы узнал об этом от отца, но отец ни разу не прекращал работы.

Только однажды к воротам мастерских (закрытым) подошла разношёрстная толпа, человек в 200 «революционеров». Но через полчаса она была разогнана казачьей сотней. При этом А. не выскакивал из толпы и не кричал «Негодяи!», как об этом пишет М.Г. Компанцев.

Всё это настоящий роман.

НАШИ ДНИ

Во всех книгах, посвящённых А., среди иллюстраций бросается в глаза бедность и неэлегантность его одежды: какие-то демократические картузы, рубахи-косоворотки, дешёвые шубы и пр. Но все это фотографии послереволюционного периода. До революции я всегда помню А., одетого безукоризненно: всегда у него имелось несколько приличных костюмов, такие же были галстуки, рубашки, воротнички и ботинки. В этом отношении он был большим «франтом» и одевался в Кременчуге у лучшего портного – Казачка. Я никогда, даже летом, не видел Антона в косоворотке (до 1917 года).

Летом 1908 г. А., Компанцев и Рашев решили обзавестись велосипедами. Все трое купили великолепные немецкие машины марки «Адлер», каждый стоил 125 рублей – по тем временам большие деньги. У меня был старый, допотопный велосипед «Самсон», который не имел даже свободного хода. Но это не мешало мне присоединиться к их компании. Вчетвером мы совершали довольно большие экскурсии в окрестностях Крюкова. Любимым нашим маршрутом была утоптанная дорожка вдоль линии железной дороги по направлению к Знаменке. Мы проезжали километров 10 и обыкновенно останавливались у одного сторожа при шлагбауме, где мы покупали молоко и чёрный хлеб, который нам казался необыкновенно вкусным.

Безусловно А. и тогда был уже болен пороком сердца, но болезнь не давала себя ещё знать. Но я помню, как два раза А. внезапно, без причины терял сознание (один раз на вокзале в Крюкове, другой раз в учительской).

Но он ни разу не обратился к врачу, хотя в Крюкове был хороший ж.д. врач Соколов, а после него Химченко, который позже стал очень дружен с А.

Летом 1910 г. в Крюкове открылся ж.д. сад «Общества трезвости». Это был очень старый, запущенный сад, который расчистили, проложили дорожки, провели электрическое освещение, построили открытую сцену, танцевальную площадку, буфет (в принципе, без алкогольных напитков, хотя водку там подавали под видом лимонада). Для оркестра построили эстраду.

Каждые субботу и воскресенье вечером устраивались гулянья, на открытой сцене труппа любителей играла пьесы из украинского репертуара («Наталка-Полтавка» и пр.).

Мы с Антоном никогда не пропускали этих гуляний. Мы не смотрели спектакль на сцене, но занимались критикой гулящей публики, местных Венер и Дон-Жуанов, их костюмов, манер и неумелого флирта. А. в своих замечаниях был остроумен, неистощим и, надо сказать, безжалостен. Но что можно было требовать от конторщиков, телеграфистов, получавших 25 рублей в месяц, и от рабочих ж. д. мастерских.

Приблизительно к 1910 г. в Крюкове вокруг А. образовался кружок интеллигенции, состоявшей главным образом из педагогов различных школ. Были два врача – Химченко и Димара с женой (злой украинский «самостийник» – сепаратист, идеологический враг А. – впрочем, А. во всех спорах со своей эрудицией всегда побивал его и тот злился без конца). Был ветеринарный врач Голобородько, Найда, Сосновская, Говоров, Миша Миронов, два брата Чернышёва, супруги Сугак, которые очень любили А. К ним присоединялась Елизавета Фёдоровна, когда она бывала в Крюкове.

Спорили до изнеможения, главным образом о литературе, но здесь А. был непобедим. Иногда пели песни и даже революционные – впрочем, власти смотрели на это сквозь пальцы.

На Днепре стояло много лодок, которые сдавались по часам. У Е.Ф. Была своя собственная лодка, которая в честь героини гамсуновского романа «Мистерии» называлась «Дагни». Иногда брали 3-4 лодки и отправлялись на один из днепровских островов варить «кашу», где проводили целый день, купались, лежали на песке и снова спорили, спорили без конца...

Во время одной из таких прогулок А. чуть не утонул. Он почему-то стал на носу лодки, не удержался и упал в воду. Я сбросил ботинки и бросился к нему на помощь. Нас вытащили благополучно, но мы намокли. А. потерял пенсне, а я один ботинок. Пришлось бросить и другой. Домой возвращался босиком. А. вели под руки, так как без пенсне он почти ничего не видел.

Однажды в лодках, но уже исключительно в мужской компании, поехали на остров на ночёвку. Снова купались, ловили рыбу, из которой по-

том варили уху, и развели большой костёр, вокруг которого расположились на ночь.

В 1909 г. на Херсонской улице открылся шикарный для Крюкова кинематограф «Корсо». Картины шли каждый день. Играл струнный квартет, в котором я иногда принимал участие. Фильмы менялись раз в неделю. Каждую субботу папа, мама и я посещали это кино – А. с нами никогда не было. В том «Корсо» была довольно большая сцена, большое фойе с буфетом, несколько уборных. Впоследствии (в 1917 г.) оно было сдано ж.д. клубу, где развёл свою деятельность основанный по моему почину «Кружок имени Короленко».

К этому же времени городской головой Кременчуга стал крюковский миллионер – старообрядец Гусев (во время революции его убили). Благодаря его заботам в Крюкове провели электрическое освещение и наша главная Херсонская улица осветилась ярким светом дуговых фонарей.

ДОЛИНСКАЯ

Влюблённым суждено было жить всё время в разлуке. Сначала Е.Ф. была на курсах в Киеве, потом получила место учительницы, но в Полтаве, А. оставался в Крюкове.

Не знаю, получал ли он от неё много писем, но он ей писал каждый день – на самой лучшей веленевой бумаге – и отсылал в самых дорогих конвертах-люкс. Иногда он просил меня отнести письмо на станцию и бросить в ящик почтового вагона. На конверте адресу предшествовали две буквы: «Я.С.». Я ломал голову, что это могло значить, но не смел у него спросить об этом прямо. Гораздо позже, в 1915 г., в Полтаве, он объяснил мне, что это были начальные буквы двух слов «Ясному солнышку».

Но судьба решила ещё дальше удалить их друг от друга.

После ухода М.Г.Компанцева А. не ужился с новым заведующим К.Ф. Карбоненко, обвинил его во взяточничестве, и дело дошло даже до суда. Работать в Крюкове стало невозможным, и в 1911 г. по собственному прошению А. был переведён в ж.д. училище при станции Долинской, где он мог работать вместе с М.Г. Компанцевым.

Если когда-нибудь на своём пути А. рисковал споткнуться, то это именно в Долинской.

Трудно представить себе дыру более глухую, чем Долинская. Расположенная на полпути между Кременчугом и Николаевым, эта станция находилась среди голой степи, вдали от культурных центров. Станция была небольшая, при ней оборотное депо, церковь, училище, 3-4 небольших лавчонки, с сотню небольших домишек – это всё. Ни клуба, ни кинемато-

графа и ни одного книжного магазина. А кругом, насколько хватит глаз, – голая степь.

Половина учеников была «с линии», т.е. это были дети начальников станций, дорожных мастеров, десятников, телеграфистов, сторожей, будочников и рабочих, живших на линии Знаменка – Николаев. Поэтому при училище было создано общежитие для таких учеников. А. получил место учителя и одновременно надзирателя в общежитии, за что получал добавочные 10 рублей в месяц. Он поместился в небольшой комнате при здании общежития.

За три года, которые А. провёл в Долинской, я приезжал к нему раз 10. В Долинской А. почти ничего не читал, во всяком случае в его комнате я никогда не видел обычного обилия книг.

Тоску и скуку, которые царили в Долинской, топили в старом испытанном средстве – в вине. Почти каждый день А., Компанцев и другие преподаватели приглашались в гости то к одному, то к другому служащему, где компания засиживалась до поздней ночи. Если не было приглашений – шли к попу. Поп зарабатывал много денег, любил выпить, и у него стол был накрыт каждый день с утра до вечера. У попа оставались иногда до позднего вечера, ели, пили, слушали граммофонные пластинки, которых у него было, правда, много. Если, в крайнем случае, попа не было дома и не было никаких приглашений – шли на вокзал в зал 1-2 класса и там объединялись у буфета. Это было единственное место, где было светло, тепло и уютно, где был какой-то признак жизни.

Во всяком случае, пить водку меня научили именно в Долинской.

К счастью для А., на летние месяцы, когда училище закрывалось, так же как и общежитие, он уезжал домой в Крюков. Здесь он снова попадал в привычную обстановку и снова обкладывался книгами. Но иногда он уезжал в Полтаву или в Киев, куда приезжала и Е.Ф.

В Долинской, конечно, А. тоже влюбился. У железнодорожного служащего Никитченко была красавица дочь Феня, стройная девушка лет 17 с длинной косой и огромными глазами. Она училась в Елизаветграде (теперь Кировоград), где за ней увивались томные юнкера расположенного там кавалерийского училища.

Я был очень дружен с ней, и однажды в саду она мне рассказала, что как-то А. пришёл к её родителям и просил у них её руки. Но под благовидным предлогом ему отказали. Позже, в эмиграции, я случайно встретил её в Перемышле, и мы вспоминали прошлое. Она была так же красива. Не знаю, что с ней стало потом. Жива ли? Я писал А. об этой встрече. Он в письме мне ответил: «Милая головка! Как я был влюблён в неё!».

ПОЛТАВА – УЧИТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

В 1914 г. А. поступил в только что открывшийся Полтавский учительский институт. Для него наступил 3-летний период интенсивных занятий и в то же время бедной студенческой жизни.

Действительно, приходилось жить на 15 рублей стипендии, которую он получал. Прожить на эти деньги – это значило только не умереть с голода. 5 рублей он платил за бедную комнату, в которой даже не было отопления. Оставалось 10 рублей на еду, стирку белья, учебные пособия, бумагу, парикмахерскую, табак и пр. Этого было недостаточно.

К счастью, отец пришёл к нему на помощь. Несмотря на то что их отношения продолжали оставаться натянутыми, он нашёл в себе достаточно благородства и посылал ему ежемесячно 10 рублей. Он давал эти деньги мне для пересылки, но при этом требовал переслать их от имени матери. Таким образом он надеялся сохранить самолюбие, но я в первом же письме к А. написал ему о происхождении этих денег.

Кроме того, конечно, Е.Ф. иногда давала ему 5-10 рублей. Об этом он мне сам говорил, но добавлял:

– Это заимообразно, и эти деньги я ей обязательно возвращу.

Не знаю, сделал ли он это? При его идеальной честности, думаю, что он это сделал.

В ноябре 1914 г. я приехал к нему дней на 10. Холод в его комнате был что называется, собачий, и вода в кувшине замерзала. Я согревался тем, что сжигал в тазу пачку старых журналов. Но это давало мало тепла. И, кроме того, было опасно. В конце концов я проводил время у Е.Ф., где был почти всегда в одиночестве.

Е.Ф. жила на той же улице, что и Антон (Пушкинская). Она снимала отдельный дом с двумя учительницами из той школы, где она работала – сёстрами Верой и Катей Костецкими. У каждой была отдельная комната, а две больших комнаты и кухня были общими. Одна комната была столовая, другая гостиная, где стоял рояль Е.Ф.

Все вечера мы проводили у Е.Ф., где после чая с Е.Ф. давали концерты – я на скрипке, Е.Ф. на рояле.

Сёстры Костецкие были изящные, тонкие, хрупкие девушки с огромными глазами. Я не замедлил влюбиться в скромную, тихую Веру, а А., несмотря на Е.Ф., был влюблён в Катю (Катусю).

Е.Ф. смотрела на это, как на шутку, сквозь пальцы. Впрочем, может быть, в душе она и ревновала, но никогда этого не показывала. Я до конца не мог понять отношений А. и Е.Ф. – скорее это были хорошие друзья, чем любовники.

Этой Катусе в альбом А. написал единственные стихи, которые я запомнил:

К надеждам

*Голубым туманом из-за сереньких туч,
Улыбнулись вы в небе, как сон золотой.
Отчего же призыв ваш так слаб, не могуч,
Отчего встали призраки жизни былой?
Отчего в ясном море бездонных очей
Светит грустная дума бессонных ночей?
Леденит настоящее ветром с дождём,
А грядущая жизнь смотрит пасмурным днём*

(К этому принадлежали ещё четыре строчки, которые я забыл).

Я рассмеялся, когда прочёл это стихотворение:

– Это какая-то метеорология – здесь всё есть: голубой туман, серые тучи, ясное море, леденящий ветер с дождём и, вообще, пасмурный день.

А. вспыхнул, в сердцах вырвал лист со стихами из альбома и порвал его на мелкие клочки.

– Ты прав – поэтом я никогда не буду. Даю честное слово никогда больше стихов не писать.

Но через 10 минут все уже смеялись, и А. первый.

Засиживались довольно поздно – обыкновенно до 12.

Перед диваном на полу лежал большой меховой ковёр, и А. обыкновенно лежал на нём у ног Катуси.

– Катуся, поймите, это преступно иметь такие глаза, как у вас. Вы мужчин с ума сводите и заставляете их бесцельно мучиться.

Катуся смеялась:

– А вы смотрите в другие глаза, а моих не замечайте.

– Да, это легко сказать – ведь ваши глаза настоящие магниты.

Потом, по пустынным улицам, по деревянным тротуарам возвращались в его трущобу, где старались возможно скорее залезть под одеяла.

Обедали в вегетарианском ресторане, где было дешёво, но не сытно. Обед стоил 25 копеек, но через час снова уже чувствовался голод. Кормили постным супом, картофельными морковными котлетами, простоквашей... Обед чисто студенческий.

Через 10 месяцев, когда я окончил военное училище и получил довольно большие «подъёмные» деньги (1200 рублей), я предложил А. маленькую дружескую помощь – 200 рублей. Он был и смущён и страшно рад:

– Для меня – это целое состояние. Теперь мы переменим квартиру – довольно мёрзнуть.

И вдвоём с товарищем по институту, которого звали Митрофаном, они сняли большую, тёплую комнату в Важничем переулке № 5, где и оставались до окончания учительского института.

ВОЙНА

Шла война. Скоро мне должно было исполниться 20 лет и, следовательно, угрожала мобилизация. Я решил предупредить события. 1 марта 1915 г. я поступил в ближайшую к нам военную школу – Чугуевское военное училище, – и через 6 месяцев вышел оттуда с чином прапорщика. При разборе вакансий я взял Киевский округ.

В штабе Округа я подсунил главному писарю, распределявшему назначения, 20 рублей и получил назначение в 27-й запасной батальон, в Полтаву. Таким образом, 5 сентября 1915 г., я приехал в тот же Важничий переулок, № 5, и поселился в одной комнате вместе с А. и его товарищем Митрофаном. Своего денщика Степана я устроил на кухне. Так прожил я с ними в течение двух месяцев.

Конечно, в течение двух месяцев мы каждый вечер проводили у Е.Ф., но теперь уже ехали туда на извозчике, с хорошим вином от Лемэра, хорошими закусками и шоколадом от Пока (Деньги были!)

Я и сейчас вспоминаю эти чудные вечера, которые никогда не забуду.

Но надо было воевать. Через 2 месяца я уехал на фронт. С А., Верой, Катусей, Е.Ф. мы расстались. Вера плакала, и я утешал её как мог.

Больше года я почти не видел А. Встречались мы только во время посещений А. госпиталей, где я находился после ранений. Однажды я даже попал в госпиталь в Полтаву, но ранение было тяжёлое, и я не мог никуда выходить. Затем меня перевели в Кременчуг.

В конце декабря 1916 г. А. был мобилизован как ратник ополчения 2-го разряда для прохождения строевой подготовки и был направлен в казармы в Киев, где его и застала революция (Февральская).

Я лежал ещё в госпитале в Кременчуге, когда ко мне из Полтавы приехала Е.Ф. и сказала, что необходимо как можно скорее ехать в Киев, как она выразилась: «Спасать Тосю».

Оказалось, что казарменная обстановка среди мобилизованных мужиков и рабочих подействовала на А. удручающе. Он прямо писал Е.Ф., что такая обстановка для него невыносима, и что он покончит с собой.

Е.Ф. умоляла меня взять у главного врача отпуск и немедленно ехать в Киев. Я уже достаточно поправился и главный врач дал мне недельный отпуск. Мы поехали в Киев.

В Киев мы прибыли около 11 часов утра и прямо с вокзала на извозчике отправились в казармы. Не успели мы войти в большой двор казармы,

как увидели нашего А., несущего в двух банках суп и кашу. Но какая не военная фигура: огромные сапоги с брезентовыми голенищами, слишком большая фуражка, закрывавшая ему половину ушей, мятая, не по росту, гимнастёрка – всё это делало его фигуру просто комичной.

Он долго шурился, не веря глазам своим, но когда, наконец, нас узнал, бросил свои котелки прямо в грязь и со слезами бросился к нам на шею.

Но, собственно говоря, что было ужасного в этой казарме? Абсолютно ничего. Казарма и есть казарма, а не институт благородных девиц. Конечно, были вши, махорка, тяжёлый воздух, матерщина, но ведь всё это на какие-нибудь 2-3 месяца, и нельзя было даже и сравнивать эту казарму с фронтом, с окопами. Я поговорил с его начальниками – ничего ужасного не было. Не было даже никаких строевых занятий, только иногда прогулки с песнями по городу. Остальное время они ничего не делали, спали и портили воздух. Кроме того, через 3-4 недели их должны были распустить по домам. (Впрочем, вся дружина была не вооружена, и А. не только никогда не стрелял, но даже в руках не держал ружья. Ружей не хватало даже в действующей армии).

Я успокоил А. как мог, ротный командир пообещал скорое освобождение, и мы уехали. Но на вокзале я не удержался и спросил А.:

– Слушай, Антон, вот мне всего 21 год, но я уже 4 раза ранен, иногда целыми днями сижу под ураганным огнём противника, иногда днями остаюсь без пищи, потому что подвоз невозможен, у меня 200 человек, за которыми я должен следить, одевать, кормить и, самое главное, которых я должен воодушевлять и вести в атаку – что бы ты делал на моём месте?

А. в упор посмотрел мне в глаза и спокойно ответил:

– Я бы застрелился!

Через месяц он был демобилизован и вернулся в Полтаву.

КРЮКОВ – ВЫСШЕЕ НАЧАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ

Вскоре после нашей поездки в Киев (апрель 1917 г.) я был назначен помощником коменданта станции Киев, куда и уехал. В это время А. благополучно окончил институт и в августе (а не в октябре, как утверждают некоторые биографы) был назначен инспектором вновь преобразованного Крюковского ж.д. высшего начального училища.

Я оставался в Киеве до октября 1917 г., когда вновь пришедшие большевистские власти выбросили меня чуть ли не на улицу. Я приехал в Крюков, где А. великодушно пришёл мне на помощь и предложил место учителя в его училище (спорт, рисование, математика).

В училище я застал вновь сформированный коллектив преподавателей, где были даже двое с университетскими дипломами, а именно, демо-

билизованные, как и я, В. Крылов и Н. Кемов (последний пришёл в училище позже – в апреле 1918 г.). Из других преподавателей были: П.И. Карапыш, В.И. Поповиченко, А.П. Сугак, Ю. Попова и Диденко; Таня Коробкова преподавала рукоделие. При украинцах (1918 г.) Закон Божий преподавал священник Д. И. Григорович.

Потекли однообразные дни школьных занятий.

Вообще, надо сказать, что по обстоятельствам тех времён чисто педагогическая часть нашей деятельности отошла на второй план. На первом плане были заботы о «хлебе насущном» и одежде.

Надо отметить, что два года, которые мы провели в Высшем начальном училище, 1917–1919, прошли под знаком крайних материальных лишений: власти сменялись чуть ли не каждые 2 месяца (большевики, немцы, вновь большевики, петлюровцы, антоновцы, григорьевцы и пр.), и население было разорено: ни масла, ни сахара, и даже простого хлеба не хватало. Крестьяне не отдавали продуктов за деньги, на которые они сами ничего не могли купить, так как не было ни обуви, ни мануфактуры, вообще ничего. Единственная возможность достать что-нибудь – обмен: надо было отдать пальто, сапоги или пару простынь, чтобы получить немного муки, хлеба или сала. Так же трудно обстояло дело с одеждой: наши ребята были плохо одеты, и А. был страшно рад, когда в интендантстве ему удалось получить 300 полушубков, которые в тот же день были розданы ученикам. Позже ему удалось получить ещё 300 пар валенок (правда, не новых).

Конечно, и учащиеся встретили трудности на пути приобретения необходимых принадлежностей – на свободном рынке почти ничего не было. Но я имел возможность помочь делу, так как был хорошо знаком с директором крупного Дитятковского писчебумажного товарищества, которое имело в Кременчуге самый большой магазин. С сыном этого директора я учился в реальном училище и вместе его окончил. Я обратился к нему с просьбой отпускать нам товар по оптовым ценам, что давало 25% понижения цены розничной. Он любезно согласился. А. был страшно рад и дал нам из казённых сумм 5000 рублей на оборотный капитал (в 1918 г. это были гроши).

Решили создавать ученический кооператив.

Ученикам, желающим быть членами кооператива, было предложено внести по 100 рублей (приблизительно 50 копеек довоенного времени). Правление кооператива было избрано из учеников, так же как и кассир, и ревизионная комиссия. Весь товар разместился в двух больших шкафах, и торговля производилась полчаса до уроков и во время большой перемены. Кооператив брал всего 7% прибыли на покрытие расходов по доставке и возможную порчу товаров. Большинство учеников записалось в кооператив (90%), и все они имели в изобилии прекрасного качества тетради, бумагу для черчения, готовальни, линейки, треугольники, карандаши, резин-

ки и пр. Все были очень довольны, так как это избавляло их от беганья по пустым крюковским магазинам.

Естественно, что ребята очень интересовались военной службой. Я донашивал ещё форменную одежду (кроме погон) – другого у меня и не было. Меня расспрашивали о войне, об окопах, о ранениях и наградах. И как-то незаметно, без определённого плана, я стал заниматься с ребятами военным строем. Во время уроков гимнастики, несмотря ни на какую погоду, мы строились во дворе, перестраивались и затем уходили с песнями куда-нибудь в ближайшие окрестности.

После военного строя как-то незаметно вопрос зашёл о знамени. Почему у нас нет своего знамени? Мы хотим иметь своё знамя! Я им посоветовал обратиться прямо к А.

Вначале А. был против:

– Я не хочу здесь заводить казарму!

Надо сказать, что до тех пор А. был принципиальным противником военных. Может быть, этому содействовали воспоминания об фронте, который он получил в дни своего увлечения Наташей Найдой, а также на основании своего печального опыта в киевской казарме, – не знаю, но только солдаты были для него «серой скотинкой», а офицеры «пшютами» и недоучками.

К счастью, к нам на помощь пришёл В. Крылов, который убедил А., что военный строй не имеет ничего плохого, так же как и знамя. Он напомнил А., что военный строй применяется не только в армии, но и у бойскаутов и в кадетских корпусах и имеет большое воспитательное значение. Так или иначе, но когда Крюков был занят немецкими войсками, у нас было уже своё знамя с двумя широкими лентами – жёлтой и голубой – цветами Украинской республики. Знамя было шёлковое, белое, окаймлённое золотой бахромой. С одной стороны были вышиты инициалы училища и эмблема путей сообщения (кажется, скрещенные топор и якорь). С другой стороны, по настоянию попа, Таня Коробова вышила текст из Евангелия: «Так да просветится свет ваш предчеловеки».

Когда украинцев сменили большевики (в начале февраля 1919 г.), мы сняли со знамени жёлтую и голубую ленты и заменили их красными. В скором времени по какому-то революционному поводу большевики устроили большой парад, на котором кроме войск должны были присутствовать и все учебные заведения. Мы пришли с нашим белым знаменем и увидели на площади десятки ярко-красных знамён. Через 5 минут к нам прибежали разъярённые распорядители и приказали немедленно убрать «белогвардейское» знамя и больше с ним никогда не показываться. Хранить это знамя было опасно. А. приказал его уничтожить и заменить красным знаменем и уже без «Так да просветится...», что мы и сделали.

Оркестра у нас ещё не было, но был оркестр Крюковских мастеровских, и в одно из первых весенних воскресений 1918 г., сопровождаемые многочисленными родителями, мы совершили нашу первую военную прогулку со знаменем и оркестром в Деевский лес, в 3 километрах от училища, где оставались целый день, пели, играли, варили кашу, вообще провели чудный день, когда у А. исчезли последние сомнения относительно полезности военного строя. Немного позже, к лету 1918 г., у нас уже был собственный духовой оркестр (существование которого подтверждает в своих воспоминаниях П.И. Карапыш) в 20 человек музыкантов, которым управлял Краснов.

Наши военные прогулки стали регулярными.

Деньги на покупку духовых инструментов мы получили из выручки за спектакли драматического кружка им В.Г.Короленко.

ДРАМАТИЧЕСКИЙ КРУЖОК ИМЕНИ В.Г.КОРОЛЕНКО

Этот кружок был моим детищем, так же как военный строй, знамя и оркестр.

Надо сказать, что я до этого был уже отравлен театральным ядом, так как участвовал в театральном кружке, который существовал в реальном училище. Я уже выступал в спектаклях, которые устраивались у нас 3-4 раза в год. Мы уже ставили «Ревизора» и «Женитьбу» Гоголя, «Горе от ума» Грибоедова, мелкие пьесы Чехова и Горбунова и другие образцы классической литературы.

Когда я был в Киеве, на должности помощника коменданта станции Киев, я два раза в неделю посещал великолепный Киевский драматический театр Соловцова. Когда я приехал в Крюков и попал в коллектив преподавателей высшего начального училища, у меня невольно возникла мысль о возможности устройства любительских спектаклей в Крюкове.

Во время одной из больших перемен я категорически и твёрдо предложил создать драматический кружок и даже предложил первую пьесу для постановки, а именно «Касатку» А.Н.Толстого, которую я видел у Соловцова в начале октября 1917 г.

А. вспыхнул сразу горячим сторонником кружка, остальных пришлось с трудом раскачивать – во всяком случае большого энтузиазма я не встретил, почти никто не верил в успех нового предприятия.

Надо сказать, что трудности, которые нас ожидали, были невероятные. Был театр, где была сцена, но это всё. Была одна-единственная декорация, но не было ни мебели, ни бутафории, ни реквизита, ни, главное, костюмов. На каждый спектакль, в особенности на такие, как «Дядя Ваня», «Вишнёвый сад», «Осенние скрипки», приходилось писать декорации, доставать всю нужную мебель и реквизит и, кроме того, специально при-

способливать электрическое освещение. Кроме того, надо было доставать костюмы, что было делом нелёгким. Здесь я должен с благодарностью вспомнить беззаветную преданность нашему театральному делу моего старого друга по реальному училищу – Б.Ф. Гороновича. Трудность заключалась в том, что не только надо было всё отыскивать, но надо было ещё доставить в театр, а после спектакля снова возвратить по принадлежности.

Первый спектакль было поставить очень трудно. Актёры были совершенно неопытны и надо было заставить их говорить для зрительного зала, то есть довольно громко и довольно отчётливо.

Так или иначе – спектакль был решён. Мы репетировали в школе, собираясь по вечерам, где А. для поднятия настроения к каждой репетиции заказывал сторожу Ивану две бутылки самогонки с лёгкой закуской.

И, наконец, в конце января 1918 г. на улицах Крюкова появились большие красные афиши, объявлявшие о предстоящем спектакле. Это была дата в истории Крюкова, где до этого процветал только избитый украинский водевиль вроде «Наталки-Полтавки» и т. п.

Театр был набит публикой до отказа, и мы пожинали заслуженные или не заслуженные лавры. Перед спектаклем все артисты хором исполнили «Интернационал». Во всяком случае успех был полнейший, который окрылял нас для следующих постановок.

За два года существования этого коллектива (1917 – 1919) нами было поставлено около 12 спектаклей, среди них: «Касатка» и «Кукушкины слёзы» А.Н. Толстого, «Дядя Ваня» и «Вишнёвый сад» А.П. Чехова, «Женитьба» Н.В.Гоголя, «Осенние скрипки» И.Д. Сургучёва, «Отец» А. Стриндберга. Одноактные пьесы Чехова были поставлены почти все: «Юбилей», «Медведь», «Предложение», «Трагик поневоле» и др. Кроме того, была поставлена оперетка «Иванов Павел» и написано два злободневных ревю.

А., который был административным директором кружка, только один раз выступал как артист. Большая близорукость мешала ему ориентироваться на сцене, и в конце концов он взял на себя неблагоприятную роль суфлёра. Я, как художественный директор кружка, был режиссёром в двух спектаклях: «Касатка» и «Кукушкины слёзы», которые я видел у Соловцова. Остальные спектакли прошли в коллективной режиссуре.

На деньги от спектаклей были в первую очередь куплены инструменты для духового оркестра, затем пособия по физике.

«АКО»

Насколько А. был отзывчивым, добрым и благородным человеком, показывает пример его отношения к «Ако». «Ако» – было сокращённое название Ассоциации крюковских офицеров.

Октябрьская революция оставила 150 000 русских офицеров без всяких средств к существованию, не говоря уже о том, что разнузданные чернь и солдатская масса рассматривали их как своих первых врагов, преследовали и где можно убивали. Вполне понятно, что знакомство с ними было на подозрении, и все их избегали, как зачумлённых.

В Крюкове была группа в 15-20 офицеров. Конечно, А. был знаком почти со всеми офицерами, а некоторые из молодых даже были его прежними учениками.

И, надо отдать ему должное, он имел достаточно гражданского мужества, чтобы не только не чуждаться их, но ещё прийти к ним на помощь.

Что предложил А.?

Прежде всего, объединиться и составить Ассоциацию крюковских офицеров. Затем, так как дело было весной 1918 г. и занятий в училище уже не было, он предложил в распоряжение ассоциации здание училища, как клуб офицеров, где можно было бы иметь постоянный буфет, бильярд, устраивать вечеринки и пр. Надо отметить, что он сделал это своей собственной властью, не испросив разрешения высшего ж. д. начальства.

Мало этого – так как в училище не имелось подходящей мебели, он обратился к начальнику мастерских Н.А.Кожевникову и просил предоставить нужную мебель в училище.

Тот согласился, и в училище принесли вагонные диваны, кресла, стулья и столики. Устроили буфет, поставили бильярд и через несколько дней уже дали первую танцевальную вечеринку, которая имела большой успех. Потом вечеринки давались регулярно 2 раза в неделю. Материальный успех был очень большой, и вскоре наиболее нуждающиеся из офицеров смогли получить уже денежные пособия.

Местные большевики были возмущены и донесли об этом в Управление Южн. ж.д., но управление не реагировало, и А. не получил никакого нагоняя.

Это клуб функционировал до начала осенних занятий, когда, конечно, его пришлось закрыть. Предприятие это можно было сделать только потому, что в то время Украина была занята германской армией.

ТРУДОВАЯ ДРУЖИНА

Последним предприятием, которое А. осуществил в Крюкове, была организация 1-й Трудовой дружины. Это было весной 1919 г. и было полным неуспехом. Я даже и сейчас не знаю, какую цель преследовал А.

Сняли большой сад Архангельского (отца Е.Ф.). В принципе приняли организацию бойскаутов (даже девиз бойскаутов «будь готов» был принят), разбили учащихся на отряды (огородники, садовники, пчеловоды, охрана и пр.), но пчёл не было, потому что не было денег, а пчёлы стоили дорого, фруктовые деревья были дикие. В конце концов все стали огородниками.

Но работа для ребят была тяжёлая, поэтому на деле была только небольшая группа, остальные манкировали (кроме того, на линии не могли участвовать живущие в Кременчуге, т. к. летом ученический поезд не курсировал). Манкировали и учителя, которым неинтересно было окапывать картошку во время летнего отдыха. Кроме того, ученики не знали, для кого предназначаются будущие овощи. Родители тоже были недовольны – почти у каждого был свой сад и огород и им было совсем неинтересно посылать детей на работу в дружину. К августу осталось только небольшая группа, человек 25-30 верных мне учеников, мы и ночевали в саду. Последние дни даже А. не показывался на огороде.

В конце концов в августе, когда овощи созрели, их раздали приглашённым родителям и учителям.

В августе же Крюков был занят Добровольческой армией. Новые власти даже не заглянули в наше училище, но А. чего-то испугался, бросил всё и уехал в Полтаву.

Я РАССТАЮСЬ С АНТОНОМ И РОДИНОЙ НАВСЕГДА

Но, может быть, поспешное бегство А. в Полтаву станет понятным, если рассмотреть события тех детей в их политическом контексте.

Добровольческая («Белая») армия организовалась на юге России из элементов населения, жизни и благоденствию которых угрожала опасность со стороны большевиков, которые видели в них своих «классовых» врагов. Это совсем не были представители правящего класса. Аристократы, помещики и капиталисты, все те, у кого были деньги, в большинстве покинули Россию сразу же после Февральской революции. Добровольческая армия была укомплектована главным образом офицерами, юнкерами военных училищ, студентами, представителями духовенства, мелкими коммерсантами и т.п. Большой процент также составляли зажиточные крестьяне.

Эта армия с большим успехом наступала на север, по направлению к Москве. Ответ большевиков на это наступление: они объявили «красный террор».

Наступили мрачные, тяжёлые дни. Людей арестовывали и уничтожали не за какое-нибудь преступление, но только за то, что они могли быть «потенциальными» врагами.

У нас (как и везде) арестовывали ночью, без суда, на грузовиках отвозили на Кременчугское кладбище и там расстреливали. На другой день, за подписью так называемого «революционного трибунала» в местной газете «Приднепровский край» печатался список казнённых – как указывалось, за контрреволюционную деятельность.

Конечно, расстреливали главным образом всё тех же «классовых» врагов, попадались и рабочие, и крестьяне. Никто никому никакого ответа не давал.

Уже несколько человек из моих друзей офицеров погибли. Грозная опасность нависла над моей головой.

С конца июня 1919 г. я перестал ночевать дома, а проводил ночи в саду 1-й трудовой дружины вместе с несколькими преданными учениками. Иногда к ним присоединялся Н. Кемов (тоже бывший офицер, как и В. Крылов, но этот последний жил в Кременчуге).

В начале июля я был в саду, когда пришла моя жена, вся в слезах, и сказала мне, что один из её хороших знакомых, работавших в Крюковской Чека, предупредил её о том, что я буду арестован и расстрелян ближайшей ночью.

Я провёл ночь у знакомых. Действительно, ночью пришёл отряд чекистов и меня искали повсюду. Надо было скрываться, уходить.

Первый день я провёл у Н.П. Найды, которая жила вне города. Но оставаться у неё было опасно и для меня, и для неё. Мне нашли старую крестьянскую одежду и порекомендовали найти приют у дорожного мастера Василенко, который жил на линии в 10 километрах. Его сын учился у нас в В. Н. училище.

Василенко не очень мне обрадовался. Он посоветовал мне идти работать в поле, принадлежавшее ему, где в это время начиналась жатва. Но рабочие смотрели на меня с подозрением и я счёл благоразумным уйти.

Начались мои скитания по полям, которые длились целый месяц. На дорогах попадались отступающие красноармейцы и несколько раз мне пришлось бежать. Однажды по мне открыли ружейный огонь, и я спасся только благодаря тому, что успел скрыться в огромном кукурузном поле.

Между тем гром артиллерийской канонады всё приближался и, наконец, в один прекрасный день на ж. д. линии я увидел бронепоезд с трёхцветным национальным флагом. Крюков и Кременчуг были заняты Добровольческой армией.

Я пришёл в Крюков исхудалый, оборванный, без обуви, заросший месячной бородой. А. искренне обрадовался мне и чуть не со слезами бросился на шею.

Население встречало Добровольческую армию, как освободительницу – со слезами и цветами. Но уже через несколько дней стало ясно, что у этой армии, сражавшейся храбро и мужественно, не было никакой новой политической программы и что фактически, сама того не желая, она сражалась за восстановление дореволюционного режима. Воины не могли об этом думать, а у высшего командования не было нужного авторитета.

Восторг сменился разочарованием. Стало ясно, что население, в особенности крестьянство и рабочие, не поддержат Добровольческую армию, что её успехи временные и в конечном итоге её ожидает поражение.

А. это понял сразу, и я думаю, это было одним из факторов, заставивших его покинуть Крюков.

Но был фактор более важный.

Сразу же после занятия Крюкова я был мобилизован. Но вместо того, чтобы отправить меня на фронт, меня откомандировали в распоряжение начальника Крюковской контрразведки (политическая секция армии). А., наверное, предполагал, что Крюковская контрразведка развернёт широкую контрреволюционную деятельность, поэтому постарался уйти подальше и быть вне всяких подозрений. (Всё это только мои предположения – о причинах его ухода из Крюкова я никогда с ним не говорил).

В действительности за 4 месяца оккупации Добровольческой армией в Крюкове были арестованы всего 2 человека. Я был достаточно осведомлён, чтобы знать, что ни В. Н. Училище и никакое другое не подвергались никаким репрессиям. В частности, учитель П.И. Карапыш никогда не был арестован, как это утверждает Е. Балабанович.

В середине ноября я был командирован на несколько дней в Харьков. На обратном пути я остановился на несколько часов в Полтаве и отправился на Пушкинскую улицу к Е.Ф. Там я встретил и А., и Веру, и Катю Костецкую. Но какой холодный и печальный приём мне оказали. Я был в форме, при погонах и оружии. Видно было, что я был нежеланным гостем. Все молчали, и я чувствовал, что мой визит вызывает у всех только тревогу. Настроение было невыносимое, и я счёл благоразумным как можно скорее ретироваться. Я поцеловал руки у дам и обнял А.:

– Будь здоров, Антон. Ты знаешь, у меня нет другого выхода.

– Будь здоров. Знай одно, что моё отношение к тебе лично несколько не изменилось.

Это было наше последнее свидание. Больше мы с ним никогда не встречались.

По приезде в Крюков я без разрешения оставил контрразведку и поступил пулемётным офицером на бронепоезд «Генерал Марков».

В декабре 1919 г. началось отступление. Я попал в Крым, где мы держались ещё 10 месяцев, до ноября 1920 г., когда Крым был занят большевиками. Я эвакуировался в Константинополь, провёл год в лагере в Галлиполи и в конце 1921 г. попал в Болгарию.

Из Болгарии я начал попытки связаться с Россией. Первое письмо мне удалось получить от друга по реальному училищу, который вскоре сообщил мне адрес А. в колонии им. М. Горького. В конце 1922 г. я получил первое письмо от А. Я не помню точно, в каком году наша переписка оборвалась, но она была очень трудна и нерегулярна. За всё время я получил от него 14 писем, которые, к сожалению, погибли во время пожара, который был у меня в 1948 г. Погибли также несколько ценных фотографий. (Я помню одну, снятую в колонии М. Горького. На ней красовался огромный плакат с надписью: «Руины в этом месте – руины в нашей жизни. 5 лет мы боролись с руинами. Сегодня мы празднуем победу»).

Постараюсь восстановить то, что память сохранила почти слово в слово.

«...Я несказанно рад, что ты жив и здоров. Почему-то я был уверен, что никакие тифы и никакие снаряды тебя не тронули...»

«...Я не могу тебе писать ничего другого, кроме описания наших ребят и наших поросят. Ребята, по существу, не очень отличаются от учеников, которых мы имели в Крюковском училище...»

«...Я не описываю тебе много деталей, так как для тебя здесь нет почти ничего нового. У нас есть знамя, есть оркестр, есть прогулки. Надо заботиться о питании для поросят, о ребятах, надо их одевать, надо иметь уголь. Ничего похожего на твою жизнь: Константинополь, Чёрное море, Греция и пр. Для тебя мои мелочи будут неинтересны...»

«...Ты был прав! Я живу в Трибах среди тёмных дикарей. Приведу один пример:

Со времени основания Русского государства мы никогда не имели культурных дорог. Весной и осенью мы месим грязь, которая доходит колёсам до ступиц. И вот власти решили построить нам хорошую дорогу из Полтавы в Харьков, которая проходит мимо Триб и колонии М. Горького. Необходимо было построить несколько маленьких мостов через ручейки. Привезли и сложили необходимые материалы: доски, брёвна, цемент и пр. Вообще сделали всё необходимое, чтобы облегчить для крестьян поездки в город.

Вообрази! Их привезли, допустим, сегодня. На другой день не осталось ничего – всё было раскрадено...»

(Здесь А. вспоминает о нашем разговоре, который был у нас во время одной из наших многочисленных прогулок по Крюкову. Тогда я сказал ему, что наш мужик ещё слишком тёмн, что он не дорос ещё до степени гражданственности. Он ещё не гражданин и совершенно лишён социального начала. Он дикарь и может интересоваться только своей хатой, своими быками и лошадьми).

«...Мама живёт у меня. Она очень грустит по тебе и называет меня иногда Витей. Она постарела, но она ещё очень бодра и сейчас читает уже 3-й том «Войны и мира» Толстого...».

«...После твоего ухода наш дом был разграблен, то, что называется, до нитки. Не только унесли всю мебель, но даже забрали дрова и уголь в сарае...».

«...Костя Загнойко (наш зять) перевёлся из Знаменки в Кременчуг. Он теперь машинист 1-го класса, вступил в партию и буквально выгнал маму из нашей хаты...»

«...Карпыш вступил в партию. Он развёлся с женой и женился на Ксении Безрук. А у него были почти взрослые дочери...»

«...В Крюкове мерзость запустения. «Корсо» сгорело и на его месте стоят живописные развалины...»

«...Катя Сосновская овдовела (В. Крылов умер в 1920 г.) и вышла замуж...»

«...Я страшно жалею, что ты не со мной. У нас очень много мещан и до ужаса мало энтузиастов...»

«...Чёрт возьми! Ты – в Ницце. Об этом можно только мечтать. Наверное, Ницца совсем не похожа на наши Трибы...»

«Я думаю, что тебе рано ещё возвращаться на родину. Разбушевавшееся море ещё не совсем успокоилось...»

Приблизительно в конце 20-х годов моя переписка с А. оборвалась. Но это было общее явление, и мои друзья также перестали мне писать. Очевидно, это была директива свыше.

3 апреля 1939 г., в Париже, я купил русскую газету «Последние Новости», развернул её и в глаза мне бросился заголовок «Умер писатель А. Макаренко».

Я несколько раз перечёл короткую заметку и сомнений не могло быть – А. ушёл от нас навсегда.

Я отслужил в Александро-Невском соборе панихиду и долго ещё потом не мог сдержать слёз.

Независимо от того, что это был мой брат, я потерял в нём самого благородного, самого чуткого и, наверное, самого умного человека из тех, кого я встретил на моём жизненном пути.

(Январь 1971 г. – май 1972 г.)